

**УТВЕРЖДЕН**  
**постановлением Президиума**  
**Верховного Суда**  
**Российской Федерации**  
**от 14 октября 2026 года № 21А/2026**

**ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ**  
**ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**№ 3 (2026)**

**СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ**  
**ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ**

**Споры, связанные с защитой права собственности**  
**и других вещных прав**

**1. Подлежавшая аннулированию в Едином государственном реестре недвижимости запись о правообладателе не может быть противопоставлена вступившему в законную силу судебному акту, вынесенному по спору о правах на недвижимое имущество.**

Г. обратилась в суд с иском к Б., в котором просила прекратить право собственности ответчика на объект незавершенного строительства и признать за Г. право собственности на данный объект.

Решением суда в удовлетворении иска отказано.

Суды апелляционной и кассационной инстанций оставили решение суда первой инстанции без изменения.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции исходил из того, что право собственности Б. на данный объект не подтверждено, государственная регистрация права собственности на отчуждаемое имущество за продавцом не произведена, согласно выписке из Единого государственного реестра недвижимости (далее – ЕГРН) право собственности на объект зарегистрировано за обществом, в связи с чем ответчик не обладал правомочиями по распоряжению данным имуществом. С выводами суда первой инстанции согласились суды апелляционной и кассационной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

В силу пункта 1 статьи 551 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) переход права собственности на недвижимость по договору продажи недвижимости к покупателю подлежит государственной регистрации.

Государственная регистрация прав на недвижимое имущество – юридический акт признания и подтверждения возникновения, изменения, перехода, прекращения права определенного лица на недвижимое имущество или ограничения такого права и обременения недвижимого имущества (часть 3 статьи 1 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»).

Вступившим в законную силу решением от 27 сентября 2023 г. установлено, что ранее на основании решения от 25 февраля 2000 г. право собственности на объект незавершенного строительства зарегистрировано за Б., о чем 5 мая 2000 г. выдано свидетельство о государственной регистрации права. На основании договора аренды от 4 декабря 2006 г. в пользование Б. предоставлен земельный участок, в границах которого расположено строение, при этом общество не является собственником данного имущества и владеет им без предусмотренных законом оснований.

Оспаривание зарегистрированного права на недвижимое имущество осуществляется путем предъявления исков, решения по которым являются основанием для внесения записи в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним (далее – ЕГРП). В частности, если в резолютивной части судебного акта решен вопрос о наличии или отсутствии права либо обременения недвижимого имущества, о возврате имущества во владение его собственника, о применении последствий недействительности сделки в виде возврата недвижимого имущества одной из сторон сделки, то такие решения являются основанием для внесения записи в ЕГРП (абзац второй пункта 52 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее – постановление Пленума от 29 апреля 2010 г. № 10/22)).

Разрешая спор, судебные инстанции не учли, что при наличии вступившего в законную силу решения суда об истребовании объекта недвижимости в пользу Б. запись о праве собственности на это имущество не может быть сохранена в реестре по причине недостоверности.

Согласно абзацу тринадцатому статьи 12 ГК РФ при рассмотрении споров, связанных с защитой гражданских прав, суд не применяет противоречащий закону акт государственного органа или органа местного самоуправления независимо от признания этого акта недействительным (пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», далее – постановление Пленума от 23 июня 2015 г. № 25).

В этой связи судебные инстанции, разрешая спор, ошибочно исходили из данных, содержащихся в выписке регистрационного органа о регистрации права собственности на спорный объект за обществом. При этом судам следовало учитывать, что право собственности на спорное имущество

возникло у Б. в 2000 году на основании вступившего в законную силу судебного акта и подтверждено при разрешении спора об истребовании данного имущества из чужого незаконного владения.

Таким образом, поскольку оспаривание зарегистрированного права на объект незавершенного строительства за обществом осуществлялось в рамках спора об истребовании данного имущества, который был разрешен в пользу Б., судебные инстанции при рассмотрении данного спора ошибочно исходили из недостоверных сведений, содержащихся в публичном реестре.

Частью 2 статьи 13 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) предусмотрено, что вступившие в законную силу судебные постановления, а также законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и обращения судов являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации.

В этой связи в ситуации, когда на основании вступившего в законную силу судебного акта не были внесены изменения в публичный реестр, судам следует руководствоваться сведениями, содержащимися в судебных актах, вынесенных по спорам о правах на недвижимое имущество.

Следовательно, подлежащая аннулированию запись в ЕГРН о правообладателе не может быть противопоставлена вступившему в законную силу судебному постановлению.

Кроме того, судами при рассмотрении спора не учтено следующее.

Согласно абзацу третьему статьи 148 ГПК РФ одной из задач подготовки дела к судебному разбирательству является определение закона, которым следует руководствоваться при разрешении дела, и установление правоотношений сторон.

В исковом заявлении Г. указывала на заключенный между сторонами договор купли-продажи от 29 января 2021 г., акт приема-передачи имущества от этой же даты, а также на уклонение ответчика Б. от совершения действий по государственной регистрации перехода права собственности на спорный объект, ссылаясь в том числе на положения пункта 3 статьи 551 ГК РФ.

Указанные обстоятельства свидетельствовали о том, что заявленное истцом требование о признании права собственности по своей правовой природе фактически направлено на понуждение ответчика к государственной регистрации перехода права собственности.

Согласно пункту 3 статьи 551 ГК РФ и разъяснениям, изложенным в пункте 61 постановления Пленума от 29 апреля 2010 г. № 10/22, в случае, когда одна из сторон уклоняется от государственной регистрации перехода права собственности на недвижимость, суд вправе по требованию другой стороны вынести решение о государственной регистрации перехода права собственности.

В пункте 9 постановления Пленума от 23 июня 2015 г. № 25 разъяснено, что если при принятии искового заявления суд придет к выводу о

том, что избранный истцом способ защиты права не может обеспечить его восстановление, данное обстоятельство не является основанием для отказа в принятии искового заявления, его возвращения либо оставления без движения.

Право выбора способа защиты принадлежит истцу, однако неправильная юридическая квалификация заявленного требования не освобождает суд от обязанности дать надлежащую оценку сложившимся правоотношениям и применить соответствующий закон.

Из содержания искового заявления Г. и приложенных к нему документов усматривается, что между сторонами возник спор, обусловленный уклонением продавца от государственной регистрации перехода права собственности. Между тем суд первой инстанции при подготовке дела к судебному разбирательству не осуществил надлежащую квалификацию правоотношений сторон и не определил подлежащие применению нормы материального права.

Допущенное процессуальное нарушение привело к тому, что суд рассмотрел требование истца в ненадлежащей процессуальной форме, что повлекло принятие необоснованного решения об отказе в иске.

*Определение № 18-КГ26-42-К4*

**2. Объект коммерческого назначения, возведенный собственником на принадлежащем ему земельном участке с видом разрешенного использования «для индивидуального жилищного строительства» с нарушением установленной законом процедуры получения разрешительной документации, является самовольной постройкой и подлежит сносу, в случае если такое строение с учетом конструктивных особенностей не может использоваться в качестве объекта жилого назначения.**

Местная администрация обратилась в суд с иском к Г. о признании самовольной постройкой строения, расположенного на принадлежащем ответчику земельном участке, возложении обязанности по сносу спорного объекта, взыскании судебной неустойки за неисполнение судебного акта.

Суд первой инстанции, отказывая в удовлетворении иска, ссылаясь на статьи 209, 222, 263 ГК РФ, статью 40 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ), статьи 20, 51, 51<sup>1</sup> Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ), исходил из того, что спорный объект возведен при наличии уведомления о соответствии установленным параметрам и допустимости его размещения в отсутствие нарушений прав и интересов других лиц и не представляет угрозы жизни и здоровью граждан.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, по делу постановлено новое решение, которым исковые требования удовлетворены. Повторно оценив доказательства по делу, в том числе результаты строительно-технической экспертизы, суд апелляционной

инстанции достоверно установил, что спорный объект к индивидуальным жилым домам (соответственно виду разрешенного использования земельного участка) не относится. Поскольку при его строительстве нарушены целевое назначение и вид разрешенного использования земельного участка, то в силу статьи 222 ГК РФ он является самовольной постройкой и подлежит сносу.

Кассационным судом общей юрисдикции апелляционное определение оставлено без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не усмотрела оснований не согласиться с выводами суда апелляционной инстанции и кассационного суда общей юрисдикции об отмене решения суда первой инстанции и о принятии по делу нового решения об удовлетворении исковых требований.

Собственник земельного участка может возводить на нем здания и сооружения, осуществлять их перестройку или снос при условии соблюдения градостроительных и строительных норм и правил, а также требований о целевом назначении земельного участка (пункт 1 статьи 263 ГК РФ, статья 42 ЗК РФ). При этом в силу части 2 статьи 51 ГрК РФ возведение объектов капитального строительства осуществляется на основании разрешения уполномоченного органа государственной власти или местного самоуправления.

Как установлено судами, Г., вопреки закону, на земельном участке с видом разрешенного использования «для индивидуального жилищного строительства» возвела гостиницу, разрешение на строительство названного объекта не получила.

При таких обстоятельствах указанное строение квалифицируется как самовольная постройка в соответствии с пунктом 1 статьи 222 ГК РФ.

Возведение (создание) постройки с нарушением вида разрешенного использования земельного участка является основанием для удовлетворения иска о сносе самовольной постройки, если не будет доказана возможность приведения ее в соответствие с установленными требованиями (пункт 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке»).

Более того, лицо, осуществившее самовольную постройку, не приобретает на нее право собственности (пункт 2 статьи 222 ГК РФ).

Такой подход корреспондирует позиции Конституционного Суда Российской Федерации о том, что закрепленные в статьях 35 и 40 Конституции Российской Федерации гарантии права собственности и права на жилище предоставляются лишь в отношении того имущества, которое принадлежит соответствующему субъекту на законных основаниях (определения от 29 января 2015 г. № 101-О, от 24 марта 2015 г. № 658-О, от 27 сентября 2016 г. № 1748-О, от 28 марта 2017 г. № 609-О и др.). Самовольная постройка к таким объектам не относится, в связи с чем подлежит сносу или приведению в соответствие с требованиями законодательства при наличии к тому оснований (пункт 2 статьи 222 ГК РФ).

По данному делу таких оснований не имелось, поскольку в соответствии с Классификатором видов разрешенного использования земельных участков на данном участке не могло быть построено ничего иного, кроме жилого дома, гаража для собственных нужд, а также хозяйственных построек.

Ответчиком была использована упрощенная процедура согласования возведения объектов индивидуального жилищного строительства (статья 51<sup>1</sup> ГрК РФ), которая рассчитана на добросовестных участников гражданского оборота.

Однако собранными по делу доказательствами достоверно подтверждено, что Г. злоупотребила своим правом на упрощенный порядок и под видом возведения индивидуального жилого дома осуществила строительство гостиницы для коммерческой деятельности. Тем самым получение ответчиком согласования на строительство индивидуального жилого дома было направлено на обход императивных требований закона о получении разрешения на строительство гостиницы (статья 51 ГрК РФ).

Судом установлено, что ответчик действовала недобросовестно, требования градостроительного законодательства о получении разрешения на строительство проигнорировала, осуществила возведение самовольной постройки на непредназначенном для этого участке. Тем самым Г. приняла на себя все возможные риски своего противоправного поведения, включая риски сноса построенного объекта. Принятие судом мер по сохранению такой постройки в рамках рассмотрения дела о ее сносе означало бы легализацию и поощрение противоправного поведения, что несовместимо с принципами правового государства.

*Определение № 18-КГ25-341-К4*

### **Споры, связанные с защитой прав потребителей**

**3. Защита прав потребителя, являющегося лицом, которое приобрело товар в результате его перепродажи, осуществляется при условии, что изначальным покупателем этот товар приобретался исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.**

С. обратился в суд с иском к обществу, указывая, что приобрел автомобиль, импортером которого является ответчик, в процессе эксплуатации транспортного средства выявлены недостатки, что послужило основанием для его отказа от исполнения договора купли-продажи.

Судами принят отказ С. от исполнения договора купли-продажи транспортного средства, данный договор признан расторгнутым, с ответчика в пользу истца взысканы уплаченные по договору купли-продажи денежные средства и штрафные санкции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя состоявшиеся по делу судебные акты

и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указала на то, что они противоречат абзацу первому преамбулы Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) и разъяснениям, содержащимся в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей».

При рассмотрении дела судами установлено, что С. приобрел у юридического лица легковой автомобиль, бывший в употреблении, ответчик является импортером указанного товара, на момент передачи товара истцу и обращения с требованиями об устранении недостатков срок гарантии не истек.

В связи с выявлением в автомобиле недостатков С. обращался к ответчику изначально с претензией об устранении данных недостатков, затем направил претензию об отказе от исполнения договора купли-продажи, просил вернуть уплаченные за товар денежные средства, выплатить разницу в стоимости товара и неустойку.

Суд первой инстанции, установив факт нарушения прав истца как потребителя, счел обоснованным требование истца об отказе от договора купли-продажи в связи с наличием в транспортном средстве производственных недостатков, которые не были устранены в предусмотренный законом срок.

Суд также пришел к выводу об обоснованности заявленных требований истца о взыскании денежных средств в связи с отказом от договора, неустойки за нарушение срока возврата суммы и штрафа, предусмотренных Законом о защите прав потребителей.

С такими выводами суда первой инстанции согласились суды апелляционной и кассационной инстанций.

Как указала Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, при принятии решения суды не учли, что отношения, регулируемые Законом о защите прав потребителей, являются отношения, одной из сторон которых выступает гражданин, использующий, приобретающий, заказывающий либо имеющий намерение приобрести или заказать товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних, бытовых и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, а другой – организация либо индивидуальный предприниматель (изготовитель, исполнитель, продавец, импортер), осуществляющие продажу товаров, выполнение работ, оказание услуг.

При рассмотрении данного дела судами установлено, что С. приобрел спорный автомобиль у юридического лица, не являющегося потребителем. Приобретенное С. транспортное средство являлось бывшим в употреблении, использовалось в предпринимательских целях.

При установленных судами обстоятельствах, когда организация не занимается реализацией транспортных средств в рамках своей основной

деятельности и продает принадлежащий ей автомобиль, покупатель такого автомобиля не может считаться потребителем в рамках Закона о защите прав потребителей, поскольку продавец в данном случае не осуществляет деятельность по реализации товаров потребителям, а совершает разовую сделку по отчуждению имущества лицу, не являющемуся потребителем.

Данные положения закона были проигнорированы судами при разрешении спора.

Судами в нарушение требований статьи 198 ГПК РФ также проигнорированы доводы ответчика о том, что с претензией к качеству приобретенного товара С. обратился к официальному дилеру сразу же в день заключения договора купли-продажи, при этом сам покупатель автомобиль не эксплуатировал, не предпринимал попыток поставить его на регистрационный учет в органах ГИБДД, не застраховал свою гражданскую ответственность.

*Определение № 1-КГ26-5-К3*

**4. Возмещение убытков в виде разницы в цене товара при возврате некачественного товара направлено на восстановление нарушенных прав потребителя, должно осуществляться в пределах, обеспечивающих баланс интересов сторон, и не может приводить к неосновательному обогащению потребителя, что требует установления действительного размера убытков с разумной степенью достоверности.**

**Для признания товара аналогичным (соответствующим) недостаточно простого совпадения технических характеристик, необходимо учитывать функциональное назначение, применение, качественные характеристики, а также производителя. Приоритет должен отдаваться товару того же производителя. В отсутствие аналогичного товара у производителя суд обязан исследовать обоснованность выбора товара в качестве аналога.**

П. обратилась в суд с иском к производителю товара, указав, что приобрела произведенный ответчиком автомобиль УАЗ «Патриот», в процессе эксплуатации в период гарантийного срока в автомобиле неоднократно возникали неисправности. Просила суд взыскать с ответчика стоимость автомобиля, убытки в виде разницы между ценой товара, установленной договором купли-продажи, и стоимостью соответствующего автомобиля на дату вынесения судом решения, штрафные санкции.

Решением суда первой инстанции с учетом изменений, внесенных апелляционным определением, иск удовлетворен частично: с производителя в пользу П. взыскана стоимость автомобиля, разница в цене автомобиля, штрафные санкции.

Определением кассационного суда общей юрисдикции решение суда первой инстанции в неизменной части и апелляционное определение оставлены без изменения.

При рассмотрении дела судами установлено, что П. приобрела автомобиль УАЗ «Патриот», в период второго года гарантийного срока общая продолжительность нахождения данного автомобиля на гарантийном ремонте по причине устранения различных недостатков составила 51 день.

Истец отказалась от исполнения договора купли-продажи, поставив перед производителем вопрос о возврате уплаченных за автомобиль денежных средств, возмещении убытков в виде разницы между ценой товара и его стоимостью на дату предъявления требования, а также компенсации морального вреда.

Частично удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что в период гарантийного срока истец была лишена возможности использовать автомобиль по назначению в совокупности более 30 дней вследствие неоднократного устранения различных производственных недостатков, что является самостоятельным основанием для отказа от исполнения договора купли-продажи технически сложного товара и взыскания уплаченной за него суммы.

Суд также исходил из того, что в связи со снятием спорной модели автомобиля с производства подлежащий возмещению размер убытков в виде разницы в стоимости товара определяется исходя из цены автомобиля другого производителя, наиболее приближенного по техническим характеристикам и потребительским свойствам – Tank 300.

Отменяя судебные акты нижестоящих судов, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что при принятии решения не были учтены положения статьи 24 Закона о защите прав потребителей в редакции, действовавшей на дату рассмотрения спора, разъяснения, изложенные в пункте 31 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», в пункте 12 постановления Пленума от 23 июня 2015 г. № 25.

Из приведенных норм права и разъяснений по их применению следует, что возмещение убытков, хотя и направлено на восстановление нарушенных прав потребителя, не может приводить к неосновательному обогащению последнего и должно осуществляться в пределах, обеспечивающих баланс интересов сторон.

Между тем при разрешении спора судами действительный размер убытков, причиненных истцу, в нарушение указанных выше положений закона и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации с достоверностью установлен не был.

Как следует из системного толкования перечисленных норм права, понятия «аналогичный товар» и «соответствующий товар» в контексте статьи 24 трактуются законодателем одинаково, подразумевая под собой товар, который по своему функциональному назначению, применению, качественным и техническим характеристикам полностью идентичен другому товару, или в отсутствие такого полностью идентичного товара товар, имеющий характеристики, близкие к характеристикам другого товара

(пункт 1 части 1 статьи 2 Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»).

С учетом данного законодателем определения для признания двух товаров аналогичными недостаточно схожести их технических характеристик, необходимо также учитывать их функциональное назначение, применение и качественные характеристики.

Одной из качественных характеристик товара является его производитель, чьими силами с учетом индивидуальных особенностей создается товар в рамках производственного цикла.

Соответственно, при замене товара на аналогичный в условиях отсутствия на рынке полностью идентичного товара, как установил суд в рамках данного дела, приоритет должен быть отдан товару того же производителя.

Между тем диспозиция пункта 4 статьи 24 Закона о защите прав потребителей не предусматривает предоставления потребителю товара в натуре, указывая только на необходимость определения цены соответствующего товара на момент добровольного удовлетворения требования потребителя или на момент вынесения решения судом.

При разрешении спора судами не учтено, что определить стоимость нового автомобиля такой же марки, модели и года выпуска, как приобретенный истцом, даже при отсутствии в продаже идентичного товара, возможно путем назначения соответствующей экспертизы.

При рассмотрении дела производитель указывал, что автомобиль зарубежного производителя Tank 300 относится к иной ценовой категории, существенно превышающей стоимость автомобиля истца, в связи с чем использование его в таком качестве при определении размера подлежащих возмещению убытков нарушает принцип справедливости и соразмерности ответственности, а также приводит к необоснованному обогащению потребителя. Помимо этого, ответчик указывал, что приобретенный истцом автомобиль и автомобиль, принятый судами в качестве аналогичного товара, относятся к разным категориям в классификации транспортных средств, предусмотренной техническим регламентом Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств», утвержденным решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 877.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и определение суда кассационной инстанции и направила дело на новое апелляционное рассмотрение.

*Определение № 32-КГ26-10-К1*

**5. В случае причинения вреда имуществу лица при проведении зрелищного мероприятия на организатора данного мероприятия может быть возложена обязанность по возмещению вреда и ответственность, предусмотренная Законом о защите прав потребителей.**

Б. обратился в суд с иском к индивидуальному предпринимателю К., указав, что последний является организатором зрелищного мероприятия, в ходе которого был поврежден автомобиль истца. Полагая, что на ответчике лежит обязанность возместить причиненный ущерб, руководствуясь положениями Закона о защите прав потребителей, просил суд взыскать в его пользу затраты за некачественно выполненные услуги, в результате которых его имуществу причинены повреждения, неустойку, штраф, компенсацию морального вреда и расходы на адвоката.

Решением суда первой инстанции иск удовлетворен частично, с индивидуального предпринимателя К. взысканы сумма причиненного транспортному средству ущерба, компенсация морального вреда, штраф и судебные расходы, в удовлетворении остальной части заявленных требований отказано.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам краевого суда, оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции, решение суда первой инстанции отменено, постановлено новое решение, которым снижена сумма взысканного материального ущерба, взысканы расходы на оплату услуг представителя, в удовлетворении остальной части исковых требований отказано.

Судами при рассмотрении дела установлено, что во время проведения зрелищного мероприятия на аэродроме, организатором которого являлся индивидуальный предприниматель К., причинен вред имуществу Б., который, приобретя входной билет, прибыл на место проведения фестиваля на автомобиле, припарковав его (парашютист приземлился на капот автомобиля, принадлежащего Б.).

Исходя из наличия причинной связи между бездействием организатора фестиваля индивидуального предпринимателя К., выразившимся в ненадлежащей организации публичного мероприятия, и ущербом, причиненным автомобилю Б., суд первой инстанции частично удовлетворил иск.

Поскольку ущерб возник вследствие некачественного предоставления услуг по проведению зрелищного мероприятия, установлен факт нарушения ответчиком прав истца как потребителя, суд, применив положения Закона о защите прав потребителей, взыскал с ответчика в пользу истца компенсацию морального вреда и штраф за неисполнение в добровольном порядке требований потребителя.

Суд апелляционной инстанции, разрешая спор и принимая во внимание, что истец приобрел входной билет на мероприятие, организованное ответчиком, пришел к выводу о том, что принимавшие участие в выступлениях парашютисты действовали по заданию ответчика как организатора фестиваля и под его контролем за безопасным проведением мероприятия, факт приземления одного из парашютистов на автомобиль Б., припаркованный им в непосредственной близости от места проведения

мероприятия, свидетельствует о возникновении у индивидуального предпринимателя К., являющегося надлежащим ответчиком, деликтной ответственности за причинение вреда имуществу Б.

Вместе с тем суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении исковых требований о взыскании неустойки, штрафа и компенсации морального вреда, сославшись на то, что к спорным отношениям не подлежит применению Закон о защите прав потребителей.

С такими выводами согласился кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указала на нарушения судами требований части 4 статьи 198 ГПК РФ, пункта 1 статьи 7, пунктов 1 и 2 статьи 14 Закона о защите прав потребителей, в связи с чем отменила апелляционное определение и определение суда кассационной инстанции, обратив внимание на следующие обстоятельства.

Обращаясь в суд с иском, истец полагал, что его права как потребителя нарушены индивидуальным предпринимателем К. как организатором зрелищного мероприятия посредством ненадлежащей организации парковки, что сделало возможным приземление на капот его автомобиля парашютиста – участника мероприятия.

Разрешая спор, суд апелляционной инстанции исходил из того, что организация стоянки автотранспорта посетителей мероприятия, прибывших на место его проведения на личных транспортных средствах, не является обязанностью ответчика, однако этот вывод не обосновал, не исследовал круг обязанностей ответчика как организатора зрелищного мероприятия в соответствии с законом и иными нормативными актами.

По смыслу Закона о защите прав потребителей лицо, оказывающее услугу или выполняющее работу, несет ответственность за вред, причиненный вследствие конструктивных, производственных, рецептурных или иных недостатков работы или услуги, в иных случаях возмещение вреда производится по общим правилам на основании статьи 1064 ГК РФ.

Вопрос о том, какая услуга оказывалась истцу ответчиком, в чем она заключалась, в чем состоял ее недостаток, суд апелляционной инстанции не исследовал, доказательства, которые могли бы указывать на данные обстоятельства (к примеру, план зрелищного мероприятия или публичная оферта организатора), в материалах дела отсутствуют.

Кроме того, судами при рассмотрении дела установлено, что зрелищное мероприятие проводилось на аэродроме.

В связи с этим Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отметила, что действующее законодательство (Основы законодательства Российской Федерации о культуре, утвержденные Верховным Советом Российской Федерации 9 октября 1992 г. № 3612-1) разграничивает организатора зрелищного мероприятия и собственника (правообладателя) объекта и (или) территории, на которых данное мероприятие проводится, предусматривая, что у данных лиц могут быть как

совместные, так и самостоятельные обязанности в рамках организации зрелищного мероприятия.

Правоотношения, сложившиеся между организатором зрелищного мероприятия индивидуальным предпринимателем К. и собственником территории, на которой оно проводилось, суд не устанавливал и не исследовал.

Разрешая спор, суд апелляционной инстанции, констатируя, что Б. прибыл на зрелищное мероприятие на автомобиле и припарковал его, не проверил, была ли данная парковка организована непосредственно индивидуальным предпринимателем К. либо она уже входила в состав территории аэродрома, на которой проводилось зрелищное мероприятие.

Следует также отметить, что собственник аэродрома к участию в деле привлечен не был.

Без установления и исследования названных обстоятельств вынесение законного и обоснованного судебного акта невозможно.

Кроме того, констатируя, что принимавшие участие в выступлениях парашютисты действовали по заданию ответчика как организатора фестиваля и под его контролем за безопасностью проведения мероприятия, суд апелляционной инстанции не привел допустимых доказательств, обосновывающих данный вывод, в материалах дела такие доказательства также отсутствуют.

Таким образом, суд апелляционной инстанции подошел к разрешению спора формально и фактически уклонился от установления обстоятельств, имеющих значение для его правильного разрешения, допустил существенное нарушение норм процессуального права, устанавливающих правила доказывания в гражданском процессе, а также исследования и оценки доказательств, что привело к неправильному применению норм материального права.

*Определение № 19-КГ26-15-К5*

### **Споры, возникающие из жилищных отношений**

**6. Взимание платы с собственника жилого дома за коммунальную услугу – отопление – производится только за фактически приобретенный (потребленный) объем тепловой энергии и лишь за отапливаемые помещения. В отношении неотапливаемого помещения жилого дома, в котором отсутствуют отопительные приборы и подтверждена невозможность подачи в него тепловой энергии, плата за отопление не может быть взыскана.**

Общество обратилось в суд с иском к Д., М., их четверым несовершеннолетним детям, а также к совершеннолетней дочери А. о взыскании солидарно с ответчиков задолженности за потребленную тепловую энергию за период с 1 декабря 2021 г. по 31 июля 2024 г.

Судом установлено, что Д. и М. являются родителями пятерых детей, Д. – пенсионер по линии Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), не работает, оказывает помощь супруге М. по уходу за четырьмя близнецами, 2019 года рождения, один из которых ребенок-инвалид. Семья Д. имеет статус многодетной семьи, получает социальные выплаты как многодетная малообеспеченная семья, меры социальной поддержки по оплате жилищно-коммунальных услуг семье, воспитывающей ребенка-инвалида.

Семья Д. – собственники индивидуального жилого дома. 18 января 2021 г. между обществом и Д. заключен договор на отпуск и потребление тепловой энергии и теплоносителя в указанный жилой дом. Согласно данному договору общая площадь жилого дома составляет 389,8 кв. м, из них отапливаемая площадь – 231,3 кв. м. Начисление платы за потребление тепловой энергии в соответствии с заключенным договором с 2021 года по август 2024 года производилось обществом исходя из отапливаемой площади жилого дома – 231,3 кв. м.

В августе 2024 года общество, ссылаясь на пункт 42<sup>1</sup> Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 354 (далее в этом пункте – Правила, Правила предоставления коммунальных услуг), и на то, что дом ответчиков не оборудован индивидуальным прибором учета тепловой энергии, произвело доначисление платы за коммунальную услугу по отоплению за период с 1 декабря 2021 г. по 31 июля 2024 г. исходя из норматива потребления коммунальной услуги и общей площади жилого дома (389,8 кв. м). В объем доначисленной платы включена площадь подвала и гаража (158,5 кв. м), которая не учитывалась при предыдущих расчетах.

Д. не согласился с требованием об оплате, выставленным обществом.

Согласно комиссионному акту от 19 ноября 2024 г., составленному с участием представителей управления муниципальной жилищной инспекции, общества и Д., при осмотре жилого дома установлено, что в помещении гаража отсутствуют транзитные трубопроводы и отопительные приборы, подключенные к централизованной системе отопления, температура воздуха – минус 2 °С. В части помещений подвала отопительные приборы отсутствуют, а в части помещений имеются транзитные трубопроводы отопления, но они изолированы.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции исходил из того, что помещения жилого дома семьи Д. (гараж и подвал), за теплоснабжение которых истец просит взыскать оплату за период с 1 декабря 2021 г. по 31 июля 2024 г., являются неотапливаемыми, в них отсутствуют отопительные приборы и транзитные трубопроводы, а имеющиеся трубопроводы изолированы, то есть коммунальная услуга в помещения подвала и гаража в спорный период истцом фактически не предоставлялась, в связи с чем у истца отсутствовали

основания производить доначисления платы за неоказанную услугу по отоплению данных помещений.

Суд первой инстанции также указал на то, что договором теплоснабжения от 18 января 2021 г. между обществом и Д. были согласованы условия поставки тепловой энергии исходя из отапливаемой площади жилого дома (231,3 кв. м) в размере 67,09 Гкал/год, дополнительных соглашений к данному договору об изменении объемов потребления коммунальной услуги между сторонами не заключалось, условия договора не противоречат правовому регулированию спорных отношений, следовательно, требования истца о взыскании доначисленных сумм за тепловую энергию исходя из общей площади жилого дома семьи Д. (389,8 кв. м) в размере 274 914,51 руб. являются необоснованными.

Суд апелляционной инстанции, с которым согласился кассационный суд общей юрисдикции, отменил решение суда первой инстанции и принял по делу новое решение об удовлетворении иска общества.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, проверяя законность состоявшихся по делу судебных постановлений, отменила судебные акты судов апелляционной и кассационной инстанций, оставив в силе решение суда первой инстанции, указав следующее.

Общими положениями об обязательствах, закрепленными в статьях 307, 309 ГК РФ, определено, что обязательства возникают из договоров и других сделок, а также из иных оснований, указанных в данном кодексе, обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона. Статья 310 ГК РФ содержит правило о недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательств.

В соответствии с пунктом 1 статьи 548 ГК РФ к отношениям по снабжению тепловой энергией через присоединенную сеть применяются правила, предусмотренные статьями 539–547 ГК РФ, если иное прямо не установлено законом или иными правовыми актами.

В силу пункта 1 статьи 539 и статьи 544 ГК РФ по договору энергоснабжения энергоснабжающая организация обязуется подавать абоненту (потребителю) через присоединенную сеть энергию, а абонент – оплачивать принятую энергию; оплата энергии производится за фактически принятое абонентом количество энергии в соответствии с данными учета, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или соглашением сторон; порядок расчетов за энергию определяется законом, иными правовыми актами либо соглашением сторон.

В соответствии со статьями 2 и 15 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении» приобретение и использование тепловой энергии осуществляется на основании договора теплоснабжения, который должен включать установленные законом существенные условия. В частности, к существенным условиям договора теплоснабжения относятся порядок расчетов по договору и порядок осуществления учета потребляемой

тепловой энергии и (или) теплоносителя (пункт 21 Правил организации теплоснабжения в Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 8 августа 2012 г. № 808 «Об организации теплоснабжения в Российской Федерации и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»).

Собственники жилых домов вносят плату за коммунальные услуги и оплачивают услуги и работы по содержанию и ремонту жилых домов на основании договоров, заключенных с лицами, осуществляющими соответствующие виды деятельности (часть 9 статьи 155 Жилищного кодекса Российской Федерации, далее – ЖК РФ). Размер платы за коммунальные услуги определяется исходя из объема потребляемых услуг: по показаниям приборов учета, а при их отсутствии – по нормативам потребления коммунальных услуг, утверждаемым органами государственной власти субъектов Российской Федерации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации (часть 1 статьи 157 ЖК РФ).

Согласно подпункту «г» пункта 3 Правил предоставления коммунальных услуг предоставление коммунальных услуг осуществляется в объемах, необходимых потребителю, в пределах технической возможности внутридомовых инженерных систем, с использованием которых предоставляются коммунальные услуги. Отапливаемым помещением жилого дома признается помещение, в котором обеспечивается нормативная температура воздуха – не ниже плюс 18 °С (подпункт «е» пункта 4 Правил, пункт 15 приложения № 1 к ним).

Если жилой дом не оборудован индивидуальным прибором учета тепловой энергии, размер платы за коммунальную услугу по отоплению определяется по формулам, установленным в приложении № 2 к Правилам предоставления коммунальных услуг (формулы 2, 2<sup>1</sup>, 2<sup>3</sup>, 2<sup>4</sup>), исходя из норматива потребления коммунальной услуги по отоплению и общей площади жилого дома (абзац третий пункта 42<sup>1</sup> Правил).

Из приведенных нормативных положений следует, что по договору теплоснабжения потребитель приобретает тепловую энергию на условиях, согласованных сторонами, включая порядок расчетов и учета потребляемой энергии. В случае если жилой дом не оборудован индивидуальным прибором учета тепловой энергии, размер платы за коммунальную услугу по отоплению определяется теплоснабжающей организацией расчетным способом исходя из норматива потребления коммунальной услуги и общей площади жилого дома. При этом обязанность по оплате возникает у потребителя – собственника жилого дома – перед теплоснабжающей организацией только за фактически принятое количество тепловой энергии в пределах технической возможности внутридомовых инженерных систем, с использованием которых осуществляется предоставление коммунальной услуги по отоплению.

Таким образом, взимание платы с собственника жилого дома за коммунальную услугу – отопление – производится только за фактически приобретенный (потребленный) объем тепловой энергии и лишь

за отапливаемые помещения. В отношении неотапливаемого помещения жилого дома, в котором отсутствуют отопительные приборы и подтверждена невозможность подачи в него тепловой энергии, плата за отопление не может быть взыскана. Иной подход к определению платы за коммунальную услугу по отоплению жилого дома привел бы к нарушению справедливого, пропорционального распределения бремени расходов собственника за полученную тепловую энергию.

В результате неправильного применения норм права судами апелляционной и кассационной инстанций были проигнорированы обстоятельства того, что общество как профессиональный участник рынка самостоятельно определило условия договора теплоснабжения с Д., согласовав в нем отапливаемую площадь дома (231,3 кв. м) в качестве базы для расчета платы, а также порядок расчетов и учета энергии. Названный договор теплоснабжения исполнялся сторонами на протяжении длительного времени, обязательства по оплате за отопление выполнялись Д. надлежащим образом. Д. как потребитель услуг по договору разумно рассчитывал на согласованный и длительно исполняемый сторонами порядок расчетов.

Формальный подход судов апелляционной и кассационной инстанций к рассмотрению настоящего дела привел к тому, что с семьи Д., имеющей статус многодетной и малообеспеченной, вопреки условиям договора теплоснабжения, были взысканы значительные для бюджета этой семьи денежные средства за тепловую энергию, которую данная семья не получала и не использовала. Тем самым на стороне общества фактически возникло неосновательное обогащение за счет оплаты не оказанных данной компанией потребителю услуг.

*Определение № 73-КГ26-9-К8*

**7. Выкупная стоимость изымаемого у собственников жилого помещения, расположенного в аварийном многоквартирном доме коридорного типа, определяется с учетом площади вспомогательных помещений, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком жилом помещении.**

Прокурор, действуя в интересах Л. и А., обратился в суд с иском к администрации муниципального образования о возложении обязанности изъять путем выкупа жилое помещение, принадлежащее Л. и А. на праве общей долевой собственности, возложить на ответчика обязанность выплатить возмещение собственникам за изымаемое жилое помещение согласно долям в праве собственности, прекратить право собственности Л. и А. на спорное жилое помещение после выплаты им выкупной стоимости изымаемого жилого помещения и признать за муниципальным образованием право собственности на это жилое помещение.

Судом установлено, что Л. и А. являются собственниками на праве общей долевой собственности жилого помещения, состоящего из двух комнат, общей площадью 25,3 кв. м, расположенного на первом этаже

2-этажного многоквартирного жилого дома коридорного типа. В жилом помещении истцов отсутствуют вспомогательные помещения (кухня, санузел, душевая и пр.), они имеются только на первом этаже многоквартирного дома.

Постановлением городской администрации дом признан аварийным и подлежащим сносу. До настоящего времени выкуп принадлежащего истцам жилого помещения не произведен, меры по расселению жителей дома не приняты.

Разрешая спор и частично удовлетворяя заявленные прокурором требования, суд первой инстанции исходил из того, что многоквартирный дом, в котором располагается квартира Л. и А., признан аварийным и подлежащим сносу, в региональную адресную программу переселения на момент обращения в суд дом не включен, дальнейшее проживание в нем создает угрозу жизни и здоровью граждан, при этом орган местного самоуправления на протяжении длительного времени (более пяти лет) не осуществляет необходимых действий, направленных на изъятие жилого помещения и земельного участка для муниципальных нужд.

В связи с этим суд пришел к выводу о наличии оснований для возложения на администрацию обязанности изъять путем выкупа принадлежащее Л. и А. на праве общей долевой собственности жилое помещение с прекращением их права собственности на это жилое помещение после выкупа без соблюдения процедуры, предусмотренной статьей 32 ЖК РФ.

Ссылаясь на то, что принадлежащее истцам жилое помещение состоит из двух комнат, является обособленным объектом недвижимости – квартирой в многоквартирном доме коридорного типа, непосредственно в помещении истцов отсутствуют вспомогательные помещения (кухня, санузел, душевая и пр.), соответственно, вспомогательные помещения не входят в состав принадлежащей истцам квартиры, а отнесены к общему имуществу многоквартирного дома, суд определил возмещение за жилое помещение без учета этих вспомогательных помещений, то есть исходя из площади изымаемого жилого помещения, принадлежащего истцам на праве собственности, и приходящейся доли в праве собственности на общее имущество многоквартирного дома.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Кассационный суд общей юрисдикции постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Жилищные права собственника жилого помещения в доме, признанном в установленном порядке аварийным и подлежащим сносу, обеспечиваются в порядке, предусмотренном статьей 32 ЖК РФ.

В соответствии с частью 6 статьи 32 ЖК РФ возмещение за жилое помещение, сроки и другие условия изъятия определяются соглашением с собственником жилого помещения. Принудительное изъятие жилого помещения на основании решения суда возможно только при условии предварительного и равноценного возмещения.

Согласно разъяснениям, изложенным в подпункте «з» пункта 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации», выкупная цена изымаемого жилого помещения определяется по правилам, указанным в части 7 статьи 32 ЖК РФ, и включает в себя рыночную стоимость жилого помещения, а также убытки, причиненные собственнику его изъятием, в том числе упущенную выгоду.

Из правовой позиции, изложенной в разделе III Обзора судебной практики по делам, связанным с обеспечением жилищных прав граждан в случае признания жилого дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 апреля 2014 г., следует, что если объектом жилищного найма является комната в коммунальной квартире, расположенной в доме, признанном непригодным для проживания и подлежащим сносу, то при определении общей площади предоставляемого в связи с выселением другого жилого помещения необходимо учитывать общую площадь комнаты как части коммунальной квартиры, включая жилую площадь самой комнаты и площадь вспомогательных помещений, которые могут находиться при такой комнате и использоваться для обслуживания данной комнаты (например, кладовая), а также долю площади вспомогательных помещений всей коммунальной квартиры в целом (кухни, туалета, ванной и т.д.), используемых для обслуживания более одной комнаты.

Судом установлено, что занимаемое истцами жилое помещение состоит из двух комнат, расположенных в многоквартирном жилом доме коридорного типа, не имеющих необходимых для обеспечения бытовых потребностей жильцов отдельных санузла и кухни. Кухня, душевые комнаты и туалеты расположены на первом этаже здания и находятся во владении всех собственников жилых помещений в этом доме.

Частью 1 статьи 7 ЖК РФ определено, что в случаях, если жилищные отношения не урегулированы жилищным законодательством или соглашением участников таких отношений, и при отсутствии норм гражданского или иного законодательства, прямо регулирующих такие отношения, к ним, если это не противоречит их существу, применяется жилищное законодательство, регулирующее сходные отношения (аналогия закона).

Собственникам комнат в коммунальной квартире принадлежат на праве общей долевой собственности помещения в данной квартире, используемые для обслуживания более одной комнаты (часть 1 статьи 41 ЖК РФ). Доля в праве общей собственности на общее имущество в

коммунальной квартире собственника комнаты в данной квартире пропорциональна размеру общей площади указанной комнаты (часть 1 статьи 42 ЖК РФ).

В силу части 2 статьи 42 ЖК РФ доля в праве общей собственности на общее имущество в многоквартирном доме собственника комнаты в коммунальной квартире, находящейся в данном доме, пропорциональна сумме размеров общей площади указанной комнаты и определенной в соответствии с долей в праве общей собственности на общее имущество в коммунальной квартире этого собственника площади помещений, составляющих общее имущество в данной квартире.

К жилым помещениям относятся жилой дом, часть жилого дома, квартира, часть квартиры, комната (часть 1 статьи 16 ЖК РФ).

Комнаты истцов, в которых отсутствуют вспомогательные помещения (кухня, санузел, душевая и пр.), в многоквартирном доме коридорного типа, исходя из содержания правоустанавливающих документов по фактическим бытовым характеристикам схожи с комнатами в коммунальных квартирах, поэтому при рассмотрении требований об определении выкупной стоимости изымаемого жилого помещения в виде таких комнат допустимо применение норм жилищного законодательства о комнатах в коммунальных квартирах (статьи 41, 42 ЖК РФ) по аналогии. В противном случае истцы, проживающие в доме коридорного типа, лишаются правовой защиты своих законных прав.

При определении выкупной стоимости изымаемого жилого помещения истцов суды необоснованно отклонили их доводы о том, что непосредственно в находящемся в общей долевой собственности истцов жилом помещении отсутствуют вспомогательные помещения (кухня, санузел, душевая и пр.), предназначенные для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком обособленном помещении, жилое помещение, занимаемое истцами, представляет собой две комнаты в доме коридорного типа, в связи с этим при расчете размера площади этих комнат необходимо учитывать вспомогательные помещения, расположенные в этом доме (кухня, санузел, душевая и пр.).

Соответственно, расчет возмещения за изымаемое жилое помещение, расположенное в аварийном многоквартирном доме коридорного типа, следует производить исходя не только из жилой площади занимаемого истцами жилого помещения, но и с учетом площади вспомогательных помещений, приходящихся на данное жилое помещение. Сумма площади жилого помещения и площадей вспомогательных помещений в части, пропорциональной площади жилого помещения, будет образовывать общую площадь помещения, занимаемого гражданами. По отношению к общей площади такого помещения подлежит определению и стоимость доли истцов в общем имуществе многоквартирного дома, в том числе земельного участка.

Неправильное определение судами площади изымаемого жилого помещения привело к необоснованному занижению выкупной цены и нарушению прав истцов на равноценное возмещение.

**Споры, связанные с разделом общего имущества супругов**

**8. Супруги вправе по своему усмотрению определить условия раздела их общего имущества, заключив соответствующее соглашение и удостоверив его нотариально. Обязанность супругов при заключении соглашения о разделе общего имущества определять доли каждого из супругов в общем имуществе семейным законодательством не установлена.**

Т. обратилась в суд с иском к С. о взыскании денежных средств по соглашению о разделе общего имущества между супругами, указав, что состояла в браке с ответчиком, 4 марта 2020 г. они заключили соглашение о разделе общего имущества между супругами, согласно которому денежные средства в определенном размере, являющиеся их общим имуществом, переходят в собственность Т., С. взял на себя обязательство по передаче этих денежных средств Т. Данное соглашение удостоверено нотариусом. Взятые на себя обязательства по соглашению от 4 марта 2020 г. С. добровольно не исполнил, перечислив Т. только часть денежных средств.

С. обратился в суд со встречным иском к Т. о признании соглашения от 4 марта 2020 г. недействительным. В обоснование встречных исковых требований С. ссылаясь на то, что на дату заключения спорного соглашения между супругами был установлен режим раздельной собственности в соответствии с заключенным 4 марта 2020 г. (в этот же день) брачным договором, удостоверенным нотариусом.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования Т. о взыскании денежных средств по соглашению о разделе общего имущества между супругами от 4 марта 2020 г., суд первой инстанции руководствовался положениями статей 7, 38 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), статей 309, 310 ГК РФ и исходил из того, что условия раздела имущества (денежных средств) были определены супругами в соглашении от 4 марта 2020 г., оно является самостоятельной сделкой, в которой определены все существенные условия в целях урегулирования взаимных имущественных прав и обязанностей по разделу имущества супругов, нажитого во время брака, в качестве такого имущества супруги определили денежные средства, которые С. обязался выплатить Т., их наличие на момент подписания соглашения подтверждено представленными в материалы дела доказательствами, данное соглашение нотариально удостоверено, то есть составлено в надлежащей форме, подписано супругами лично и без намерения внести в это соглашение какие-либо изменения и дополнения.

Установив, что С. в полном объеме не исполнил предусмотренные соглашением от 4 марта 2020 г. обязательства, суд первой инстанции

с учетом перечисленных им супруге денежных средств в счет исполнения обязательств по названному соглашению взыскал с С. в пользу Т. оставшиеся денежные средства.

Оснований для удовлетворения встречного иска суд первой инстанции не установил, поскольку расценил действия С. как недобросовестные.

Отменяя решение суда первой инстанции в части удовлетворения первоначального иска Т., суд апелляционной инстанции, ссылаясь на положения статей 38, 39 СК РФ, указал на то, что в соглашении о разделе общего имущества в виде денежных средств стороны, вопреки требованиям закона, доли каждого из супругов в этом имуществе не определили, в связи с чем с учетом презумпции равенства долей супругов в общем имуществе доли супругов в названном имуществе признал равными, то есть по 1/2 доле каждому из супругов, и принял по делу в этой части новое решение, взыскав с С. в пользу Т. половину оставшейся к выплате суммы.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил апелляционное определение без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, как вынесенные с нарушением норм права, дело направила на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

Имущественные отношения между супругами урегулированы семейным законодательством (статьи 33–42 СК РФ), предусматривающим, что имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, которой супруги владеют, пользуются и распоряжаются по обоюдному согласию. При этом супруги вправе изменить установленный законом правовой режим их общего имущества на основании заключенного между ними брачного договора или соглашения о разделе общего имущества. Соглашение о разделе общего имущества может быть заключено супругами не только в период брака, но и после его расторжения. Данное соглашение должно быть нотариально удостоверено.

Соглашение о разделе общего имущества является основанием для возникновения, изменения и прекращения прав и обязанностей супругов в отношении их совместной собственности. Супруги, в том числе бывшие, могут включать в это соглашение любые не противоречащие закону условия. Каких-либо предписаний или ограничений, запрещающих супругам при разделе их общего имущества заключить договор (соглашение), по которому их имущество будет передано одному из супругов, закон не содержит, равно как и не содержит норм, обязывающих супругов в соглашении о разделе общего имущества определять доли каждого из них в этом имуществе.

Суд апелляционной инстанции неправильно истолковал приведенное правовое регулирование, вследствие чего сделал не основанный на нормах права вывод о том, что стороны (Т. и С.) в нарушение требований законодательства в соглашении о разделе общего имущества от 4 марта 2020 г. не определили их доли в общем имуществе, в связи с чем эти доли

являются равными, не учел, что супруги (бывшие супруги), реализуя право владеть, пользоваться и распоряжаться их общим имуществом по обоюдному согласию, самостоятельно, то есть по своему усмотрению, формулируют условия раздела этого имущества, закрепляют такие условия в соответствующем соглашении, удостоверяя его нотариально. Обязанность супругов при заключении соглашения о разделе общего имущества определять доли каждого из супругов в общем имуществе семейным законодательством не установлена.

Таким образом, суд апелляционной инстанции, вопреки воле супругов, разделивших во внесудебном порядке между собой их общее имущество (денежные средства) по своему усмотрению путем заключения соглашения, по сути, изменил содержание этого соглашения, определив в этом имуществе доли супругов и признав их равными, что противоречит положениям статьи 1 СК РФ о недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, о принципе разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию.

Суд апелляционной инстанции в нарушение требований статьи 196 ГПК РФ неправильно определил правоотношения сторон по иску Т. к С. о взыскании денежных средств по соглашению о разделе общего имущества между супругами и произвел раздел долей супругов в их общем имуществе без учета содержания заявленных Т. исковых требований, а также того, что в данном случае спор не касался раздела общего имущества супругов, такие требования ни одной из сторон не заявлялись, требования Т. были связаны с исполнением соглашения от 4 марта 2020 г., которое недействительным не признано и в котором супруги определили все существенные условия в целях урегулирования взаимных имущественных прав и обязанностей по разделу имущества, нажитого во время брака.

*Определение № 14-КГ25-22-К1*

## **Споры, связанные с защитой трудовых и социальных прав**

**9. Применение гарантии в виде запрета на увольнение беременной женщины по инициативе работодателя, предусмотренной нормой части 1 статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации, допускается и к отношениям, возникающим при расторжении трудового договора по инициативе работника-женщины (пункт 3 части 1 статьи 77 указанного кодекса), при установлении отсутствия ее волеизъявления на прекращение трудовых отношений.**

М. обратилась в суд с иском к войсковой части о признании незаконным приказа командира войсковой части об увольнении по инициативе работника, просила восстановить ее на работе в должности санитарки хирургического отделения, взыскать в ее пользу средний заработок за время вынужденного прогула, компенсацию морального вреда.

В обоснование исковых требований истец указывала, что работала в войсковой части в должности санитарки хирургического отделения. 9 ноября 2023 г. М. подала на имя командира войсковой части заявление об увольнении по собственному желанию с 29 декабря 2023 г. Приказом командира войсковой части трудовой договор с М. прекращен и она уволена 29 декабря 2023 г. с должности санитарки хирургического отделения по пункту 3 части 1 статьи 77 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ, расторжение трудового договора по инициативе работника).

В январе 2024 г. М., узнав о своей беременности, направила в адрес работодателя заявление об отзыве заявления об увольнении, в котором просила отменить приказ об увольнении и восстановить ее на работе в ранее занимаемой должности. К заявлению М. приложила справку медицинского учреждения о беременности. Работодатель отказал в удовлетворении данного заявления.

Разрешая спор и принимая решение об удовлетворении исковых требований М., суд первой инстанции с учетом установленных по делу обстоятельств, руководствуясь положениями статей 77, 80, 261 ТК РФ, пункта 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних», исходил из того, что М. на момент увольнения находилась в состоянии беременности, о которой узнала после увольнения, и незамедлительно уведомила об этом работодателя, написав заявление об отмене приказа о прекращении трудового договора и о восстановлении ее на работе с приложением медицинской справки. При таких обстоятельствах заявление М. об отзыве своего заявления об увольнении и отмене приказа о прекращении трудового договора свидетельствует об отсутствии у нее добровольного волеизъявления на увольнение, поэтому работодатель фактически произвел ее увольнение по своей инициативе с нарушением запрета, предусмотренного частью 1 статьи 261 ТК РФ, лишив М. гарантий, установленных для беременных женщин при расторжении трудового договора.

Суд первой инстанции также отметил, что прекращение работодателем трудового договора с истцом в период ее беременности влечет для истца такой материальный ущерб, который в значительной степени лишает ее и ее ребенка гарантий и льгот, на которые она могла рассчитывать при сохранении трудовых отношений.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе М. в удовлетворении исковых требований, счел, что увольнение М. было произведено работодателем в соответствии с требованиями трудового законодательства на основании поданного ею заявления об увольнении по собственному желанию, обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии у нее добровольного волеизъявления на подачу такого заявления, не установлено.

Поскольку у работодателя отсутствовали сведения о беременности М. на момент ее увольнения, оснований для отказа в реализации ее права на увольнение по собственному желанию не имелось.

Суд апелляционной инстанции также указал, что в силу части 1 статьи 261 ТК РФ не допускается расторжение трудового договора с беременной женщиной только по инициативе работодателя, на увольнение по собственной инициативе работника такая трудовая льгота не распространяется.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил апелляционное определение без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, проверяя законность состоявшихся по делу судебных постановлений, отменила судебные акты судов апелляционной и кассационной инстанций, оставив в силе решение суда первой инстанции, указав на следующее.

В соответствии со статьей 80 ТК РФ работник имеет право расторгнуть трудовой договор, предупредив об этом работодателя в письменной форме не позднее чем за две недели, если иной срок не установлен данным кодексом или иным федеральным законом. До истечения срока предупреждения об увольнении работник имеет право в любое время отозвать свое заявление. Увольнение в этом случае не производится, если на его место не приглашен в письменной форме другой работник, которому в соответствии с данным кодексом и иными федеральными законами не может быть отказано в заключении трудового договора.

Согласно части 1 статьи 261 ТК РФ расторжение трудового договора по инициативе работодателя с беременной женщиной не допускается, за исключением случаев ликвидации организации либо прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем.

Из положений ТК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данных в пункте 25 постановления от 28 января 2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» и подпункте «а» пункта 22 постановления от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации», следует, что федеральный законодатель создал правовой механизм, обеспечивающий реализацию права граждан на свободное распоряжение своими способностями к труду, который предусматривает в том числе возможность работника беспрепятственно в любое время уволиться по собственной инициативе, подав работодателю соответствующее заявление, основанное на добровольном волеизъявлении, предупредив об увольнении работодателя не позднее чем за две недели, если иной срок не установлен Трудовым кодексом Российской Федерации или иным федеральным законом.

Для защиты интересов работника как экономически более слабой стороны в трудовом правоотношении за работником закреплено право отозвать свое заявление до истечения срока предупреждения об увольнении.

Для беременных женщин установлены дополнительные гарантии при расторжении трудового договора по инициативе работодателя. При возникновении спора между работодателем и беременной женщиной о восстановлении на работе отсутствие у работодателя сведений о беременности женщины на момент увольнения по ее инициативе (по пункту 3 части 1 статьи 77 ТК РФ) не является основанием для отказа в удовлетворении ее требования о восстановлении на работе. Соответственно, отказ беременной женщине в восстановлении на работе со ссылкой на данное обстоятельство (отсутствие сведений о ее беременности на момент увольнения) приведет к нарушению гарантий, установленных для этой наиболее уязвимой категории граждан статьей 261 ТК РФ, повлечет за собой снижение уровня ее благосостояния и лишит ее права на получение государственных мер поддержки материнства и детства.

При разрешении спора о законности расторжения трудового договора по инициативе работника, в том числе работника, отозвавшего свое заявление об увольнении после того, как его увольнение было фактически произведено, обстоятельствами, имеющими значение для дела при разрешении такого спора, являются наличие волеизъявления работника на увольнение по собственному желанию и добровольность волеизъявления работника на увольнение по собственному желанию.

Выводы суда апелляционной инстанции о наличии добровольного волеизъявления М. на увольнение и о правильности в связи с этим произведенного работодателем увольнения не основаны на приведенных нормах права, регулирующих спорные отношения, и сделаны без учета установленных по делу обстоятельств и представленных доказательств.

Суд апелляционной инстанции не принял во внимание, что подача М. заявления, в котором она просила отменить приказ об увольнении, восстановить ее на работе в должности санитарки хирургического отделения в связи с наличием у нее беременности, о которой она не знала на момент увольнения, свидетельствует об отсутствии у нее добровольного волеизъявления на прекращение трудового договора с работодателем. Данное заявление М. о расторжении трудового договора по собственному желанию не может сохранить свое действие ввиду отсутствия на это волеизъявления работника.

При отсутствии волеизъявления работника на увольнение по собственному желанию фактически имеет место прекращение трудового договора не по инициативе работника, а по инициативе работодателя с нарушением запрета, предусмотренного частью 1 статьи 261 ТК РФ.

Следовательно, применение гарантии в виде запрета на увольнение беременной женщины по инициативе работодателя, предусмотренной этой нормой, допускается и к отношениям, возникающим при расторжении трудового договора по инициативе работника (пункт 3 части 1 статьи 77 ТК РФ) при установлении отсутствия его волеизъявления на прекращение трудовых отношений.

При изложенных обстоятельствах иное толкование указанных нормативных положений привело бы к ограничению конституционного принципа свободы труда, ущемлению трудовых прав женщины, подавшей заявление об увольнении по собственному желанию и лишенной возможности в силу сложившихся обстоятельств отказаться от увольнения, и, как следствие, к лишению ее средств к существованию, последующих причитающихся в связи с рождением ребенка выплат и иных гарантий, предусмотренных законом для беременных женщин и женщин, имеющих детей.

*Определение № 53-КГ26-1-К8*

**10. В случае обращения взыскания на страховую пенсию по старости, являющуюся для должника-гражданина единственным источником средств к существованию, в размере, превышающем прожиточный минимум, установленный в субъекте Российской Федерации по месту его жительства, он вправе требовать возмещения удержанных из его пенсии денежных средств применительно к положениям главы 59 ГК РФ.**

С. обратилась в суд с иском к органу пенсионного и социального страхования о взыскании с ответчика незаконно удержанных по исполнительным документам денежных средств, компенсации морального вреда, считая удержание денежных средств из пенсии в размере 50 % от выплачиваемой ей пенсии без сохранения прожиточного минимума незаконным.

Разрешая спор и удовлетворяя требования С., суд первой инстанции руководствовался положениями статьи 29 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (далее – Закон о страховых пенсиях) и, установив, что после произведенных органом пенсионного и социального страхования удержаний из пенсии С. по исполнительным документам в период с июля по декабрь 2023 года оставшаяся часть ее пенсии составляла менее величины прожиточного минимума для пенсионеров в субъекте Российской Федерации по ее месту жительства, пришел к выводу о наличии оснований для признания незаконными действий органа пенсионного и социального страхования по удержанию из страховой пенсии по старости С. денежных средств в спорный период и о взыскании с этого органа денежных средств, удержанных по исполнительным документам.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований С., суд апелляционной инстанции указал, что решение вопроса о сохранении доходов должника ежемесячно в размере прожиточного минимума носит заявительный характер. Ввиду того, что С. с заявлением о сохранении прожиточного минимума в орган пенсионного и социального страхования не обращалась, суд апелляционной инстанции счел, что действия органа

пенсионного и социального страхования по обращению взыскания на пенсию С. являлись законными, а само удержание производилось ответчиком в допустимом размере, а потому нарушений прав и законных интересов С. органом пенсионного и социального страхования не допущено.

С выводами суда апелляционной инстанции согласился кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила определения судов апелляционной и кассационной инстанций, как вынесенные с нарушением норм права, оставив в силе решение суда первой инстанции в связи со следующим.

К имуществу, взыскание по исполнительным документам на которое не может быть обращено, принадлежащему гражданину-должнику на праве собственности, статья 446 ГПК РФ относит продукты питания и деньги на общую сумму не менее установленной величины прожиточного минимума самого гражданина-должника и лиц, находящихся на его иждивении, в том числе на заработную плату и иные доходы гражданина-должника в размере величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации (прожиточного минимума, установленного в субъекте Российской Федерации по месту жительства гражданина-должника для соответствующей социально-демографической группы населения, если величина указанного прожиточного минимума превышает величину прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации) (абзац восьмой части 1 статьи 446 ГПК РФ).

При исполнении исполнительного документа (нескольких исполнительных документов) с должника-гражданина может быть удержано не более 50 процентов заработной платы и иных доходов. Удержания производятся до исполнения в полном объеме содержащихся в исполнительном документе требований (часть 2 статьи 99 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», далее – Закон об исполнительном производстве).

Основания возникновения и порядок реализации права граждан Российской Федерации на страховые пенсии установлены Федеральным законом о страховых пенсиях.

Частью 3 статьи 29 Закона о страховых пенсиях установлено, что удержано может быть не более 50 процентов, а в установленных законодательством Российской Федерации случаях не более 70 процентов страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии (с учетом повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии). Удержания на основании решений органов, осуществляющих пенсионное обеспечение, производятся в размере, не превышающем 20 процентов страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии (с учетом повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии).

Реализация социальной политики Российской Федерации в области государственного пенсионного обеспечения возложена на Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации в лице его

территориальных органов, которые при исполнении своих обязанностей, в том числе при производстве удержаний из пенсии должника-гражданина на основании исполнительного документа, должны соблюдать государственные гарантии по обеспечению прав граждан в области пенсионного обеспечения в целях защиты их прав на страховую пенсию с учетом особого ее значения для поддержания материальной обеспеченности и удовлетворения основных жизненных потребностей пенсионеров.

По общему правилу при исполнении исполнительного документа с должника-гражданина, являющегося пенсионером, может быть удержано не более 50 процентов пенсии. При этом законодательство об исполнительном производстве, пенсионном обеспечении и гражданское процессуальное законодательство с учетом принципа неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи, предусматривает сохранение заработной платы и иных доходов должника-гражданина ежемесячно в размере прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации (прожиточного минимума, установленного в субъекте Российской Федерации по месту жительства должника-гражданина для соответствующей социально-демографической группы населения, если величина указанного прожиточного минимума превышает величину прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации). Таким доходом должника-гражданина, в частности, может быть пенсия.

В случае, если пенсия является для пенсионера единственным источником средств существования, то удержания из этой пенсии по исполнительным документам должны производиться с соблюдением требования о сохранении пенсии в размере величины соответствующего прожиточного минимума. Данный правовой подход направлен на предоставление должнику-гражданину имущественного (исполнительского) иммунитета, гарантирующего необходимый уровень материальной обеспеченности для его нормального существования, и реализацию им социально-экономических прав, с тем чтобы не оставить данного гражданина за пределами социальной жизни.

С целью соблюдения названных целей и принципов органам пенсионного и социального страхования, как исполняющим публичные функции в силу своей компетенции, при поступлении исполнительного документа об обращении взыскания на пенсию должника-гражданина необходимо дать правовую оценку возможности удержания денежных средств из пенсии должника-гражданина в указанном в исполнительных документах размере и сделать вывод о возможности или невозможности исполнения таких исполнительных документов.

Невыполнение органами пенсионного и социального страхования названных действий и последующее удержание данными органами из пенсии должника-гражданина денежных средств на основании исполнительных документов, приведшее к тому, что должник-гражданин лишается необходимого уровня материальной обеспеченности для его нормального

существования, дает такому должнику-гражданину право ставить вопрос о признании незаконными действий органа пенсионного и социального страхования по удержанию денежных средств из его пенсии и в связи с этим о возврате незаконно удержанных из его пенсии денежных средств применительно к положениям главы 59 ГК РФ («Обязательства вследствие причинения вреда»).

Выводы суда апелляционной инстанции о том, что действия органа пенсионного и социального страхования по обращению взыскания на пенсию С. являлись законными, само удержание производилось ответчиком в допустимом размере и что решение вопроса о сохранении доходов должника ежемесячно в размере прожиточного минимума носит заявительный характер, нельзя признать правомерными, поскольку они сделаны без учета подлежащего применению правового регулирования.

*Определение № 6-КГ26-1-К2*

## **СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ**

### **Споры, связанные с защитой вещных прав**

**11. Несогласие одного из собственников с порядком использования общего имущества в нежилом здании, который сложился между участниками общей собственности и длительное время ими соблюдался, не является безусловным основанием для изменения этого порядка судом.**

Компания и общество являются собственниками нежилых помещений в здании. На фасаде, примыкающем к нежилым помещениям компании, общество с согласия компании разместило вывески своих арендаторов.

Ссылаясь на необходимость использования указанной части фасада, компания сообщила обществу об отказе от ранее достигнутой договоренности о размещении вывесок и потребовала их демонтировать.

Ввиду неисполнения обществом предъявленных требований компания обратилась в арбитражный суд с иском об обязанности демонтировать вывески и привести фасад здания в первоначальное состояние.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении иска отказано.

Суд кассационной инстанции принятые по делу судебные акты отменил и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление апелляционного суда, указав следующее.

В силу пункта 1 статьи 247 ГК РФ владение и пользование имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляются по соглашению всех ее участников, а при недостижении согласия – в порядке, устанавливаемом судом.

Предусмотренный пунктом 1 статьи 247 ГК РФ порядок владения и пользования имуществом, находящимся в долевой собственности, обеспечивает соблюдение интересов всех сособственников, а также определяет механизм разрешения в судебном порядке споров между ними при наличии разногласий по данному вопросу. При этом суд, разрешая требование об определении порядка пользования соответствующим имуществом, учитывает фактически сложившийся порядок пользования им, нуждаемость каждого из сособственников в этом имуществе и реальную возможность совместного пользования.

Суды первой и апелляционной инстанций установили, что между сторонами сложился фактический порядок использования фасада здания, являющегося общим имуществом собственников нежилых помещений; спорные конструкции размещены ответчиком в рамках исторически сложившегося порядка, который длительное время реализовывался всеми собственниками помещений, включая истца, не заявлявшего возражений относительно размещения вывесок в установленных границах и подтверждавшего своим поведением согласие с существующим порядком использования фасада здания.

Суды также исходили из того, что порядок размещения спорных конструкций не является произвольным, а подчинен специальному публично-правовому регулированию, установленному законодательством субъекта Российской Федерации.

Таким образом, разрешая спор, суды учли фактически сложившийся между сторонами порядок пользования имуществом – фасадом здания (который при этом может точно не соответствовать долям в праве общей собственности), а также нуждаемость ответчика в использовании этого имущества с учетом конструктивных особенностей здания и реальную возможность совместного пользования им с соблюдением баланса интересов сособственников.

Само по себе последующее выражение одним из сособственников несогласия с тем порядком использования общего имущества, который сложился между участниками общей собственности, длительное время ими соблюдался и фактически реализовывался, не может рассматриваться изолированно, вне оценки поведения такого лица в предшествующий период и без учета правомерных ожиданий иных участников соответствующих правоотношений.

Иное означало бы предоставление одному из участников общей долевой собственности возможности произвольно дестабилизировать сложившийся баланс пользования общим имуществом, игнорируя как фактически сложившиеся отношения между сособственниками, так и интересы иных участников общей собственности, которые, полагаясь на

длительное отсутствие возражений, организовали реализацию своих прав определенным образом.

При изложенных обстоятельствах суды правомерно отказали в иске.

*Определение № 305-ЭС25-13294*

### **Споры, возникающие из обязательственных отношений**

**12. Суд вправе обратить взыскание на некоторые из движимых или недвижимых вещей, составляющих предмет залога, если для удовлетворения требований залогодержателя, которые были признаны судом, будет достаточно реализации части из них.**

В обеспечение исполнения обязательств по договорам поставки залогодатель, не являющийся стороной по обеспеченному обязательству, передал в залог принадлежащие ему транспортные средства и самоходные машины, а также принял на себя обязанности поручителя.

Ссылаясь на то, что покупатель обязательства по договорам поставки надлежащим образом не исполнил, залогодержатель обратился в арбитражный суд с иском об обращении взыскания на предметы залога.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в иске отказано, поскольку после снижения на основании статьи 333 ГК РФ суммы начисленной неустойки общая стоимость заложенного имущества на момент рассмотрения дела в разы превышала размер требований, а суд самостоятельно не вправе выйти за пределы иска и произвольно выбрать предметы залога, на которые может быть обращено взыскание.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Действующее гражданское законодательство не содержит каких-либо ограничений в отношении стоимости предмета залога при заключении договора залога, то есть она в этот момент может как превышать размер обеспеченного залогом требования, так и уступать этому размеру. В то же время в целях недопущения злоупотребления недобросовестными залогодержателями своими правами в пункте 2 статьи 348 ГК РФ установлен запрет обращения взыскания на заложенное имущество в случае, когда нарушение обеспеченного залогом обязательства незначительно и размер требований залогодержателя вследствие этого явно несоразмерен стоимости заложенного имущества. При этом в названной норме установлено, что, если не доказано иное, предполагается, что нарушение обеспеченного залогом обязательства незначительно и размер требований залогодержателя явно несоразмерен стоимости заложенного имущества при условии, что одновременно соблюдены следующие условия: 1) сумма неисполненного обязательства составляет менее чем пять процентов от размера стоимости заложенного имущества; 2) период просрочки исполнения обязательства,

обеспеченного залогом, составляет менее чем три месяца.

Между тем, отказывая в удовлетворении иска залогодержателя, суд первой инстанции не принял во внимание, что с учетом снижения размера неустойки на основании статьи 333 ГК РФ сумма неисполненного обязательства составляет 23,5 % от размера стоимости заложенного имущества, а период просрочки исполнения обязательства третьим лицом составил 211 календарных дней (7 месяцев). Следовательно, допущенное должником нарушение обязательства и размер заявленного требования не отвечали установленной законом презумпции незначительности и несоразмерности.

В соответствии с пунктом 56 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2023 г. № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» (далее – постановление Пленума от 27 июня 2023 г. № 23), если предмет залога являются несколько вещей, сумма неисполненного обязательства для целей установления незначительности нарушения по смыслу пункта 2 статьи 348 ГК РФ может быть сопоставлена со стоимостью одной из них, а не с общей стоимостью предмета залога, если из закона или договора не следует обращение взыскания исключительно на все вещи в целом. Поскольку предметом настоящего залога является движимое имущество, в отношении которого указанные ограничения не предусмотрены ни законом, ни договором, при разрешении спора суду следовало сопоставлять размер признанного им за залогодержателем требования не с общей стоимостью заложенного имущества, а со стоимостью отдельных транспортных средств и самоходных машин, что также исключало бы отказ в иске по основанию, предусмотренному пунктом 2 статьи 348 ГК РФ.

Отказывая в иске со ссылкой на то, что суд самостоятельно не может выйти за пределы иска и что залогодержатель, предъявивший иск об обращении взыскания на предмет залога путем оставления этого предмета за собой, не заявил об уточнении исковых требований, суд первой инстанции не учел следующее.

Размер первоначально заявленного истцом требования превышал согласованную сторонами стоимость заложенного имущества, поэтому у истца не было оснований опасаться применения пункта 2 статьи 348 ГК РФ и корректировать в связи с этим свои правовые требования до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу (часть 1 статьи 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, далее – АПК РФ). До вынесения указанного судебного акта истцу не было известно, будет ли удовлетворено судом заявление ответчика о применении статьи 333 ГК РФ. Следовательно, добросовестно пользуясь своими процессуальными правами (часть 2 статьи 41 АПК РФ), истец не должен был заявлять об изменении иска.

В настоящем случае суд, рассматривая требование ответчика о применении статьи 333 ГК РФ к заявленной истцом к взысканию неустойке и признавая это требование обоснованным, должен был самостоятельно

выбрать, какие из вещей, составляющих предмет залога, могут быть оставлены за истцом с учетом итоговой суммы иска, признанной судом. Соответствующее разъяснение содержится в пункте 69 постановления Пленума от 27 июня 2023 г. № 23.

*Определение № 305-ЭС25-14813*

**13. Заявляя требование о возмещении потерь в соответствии со статьей 406<sup>1</sup> ГК РФ, кредитор должен доказать факт наступления определенных в соглашении обстоятельств и разумность избранного сторонами способа, посредством которого определяется их размер.**

Компания и общество заключили договор об организации медицинского обслуживания и соглашение о существенных требованиях к результату оказания услуг и возмещении имущественных потерь.

В дальнейшем компания обратилась в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании понесенных имущественных потерь согласно условиям договора, соглашения и статье 406<sup>1</sup> ГК РФ.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении требования отказано. Суд пришел к выводу, что указанные потери должны быть квалифицированы в качестве убытков, а компания не доказала наличие совокупности условий, необходимых для привлечения общества к ответственности.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и удовлетворил иск, указав на наличие оснований для применения статьи 406<sup>1</sup> ГК РФ.

Суд кассационной инстанции отменил постановление суда апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

По смыслу статьи 406<sup>1</sup> ГК РФ и пункта 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» соглашение о возмещении потерь должно быть явным и недвусмысленным.

Осуществив системное толкование условий соглашения в порядке статьи 431 ГК РФ, суд апелляционной инстанции правомерно заключил, что соглашение не содержит каких-либо неясностей относительно достигнутой сторонами договоренности о возмещении потерь контрагенту при наступлении определенных обстоятельств и необходимости применения к отношениям сторон положений статьи 406<sup>1</sup> ГК РФ.

Суд указал, что при заключении соглашения стороны прямо согласовали обязанность ответчика возместить потери истца в случае превышения расходов на медицинское обслуживание застрахованных лиц над предельно допустимыми величинами таких расходов, рассчитываемых в

порядке, предусмотренном соглашением, которая не поставлена в зависимость от нарушения обязательств ответчиком.

Вместе с тем суд апелляционной инстанции, удовлетворяя иск, посчитал верным представленный истцом расчет суммы имущественных потерь, ограничившись лишь указанием на то, что расчет ответчиком не оспорен и документально не опровергнут.

Общество приводило доводы о том, что компания не представила доказательств, обосновывающих размер предъявленных требований.

Размер имущественных потерь в соответствии с условиями соглашения определяется по сложной математической формуле. При этом в расчете цены иска не раскрыто, каким образом истцом исчислены отдельные составляющие данной формулы, не представлены доказательства, подтверждающие включенные в расчет истребуемой суммы величины, что не позволяет непосредственным образом проверить представленный истцом расчет.

Статья 406<sup>1</sup> ГК РФ не допускает возмещения потерь в произвольном размере, поскольку не освобождает кредитора от раскрытия доказательств, подтверждающих как факт возникновения у него соответствующих потерь, так и разумность избранного сторонами алгоритма определения их размера.

В связи с этим Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу, что суд апелляционной инстанции правомерно указал на наличие оснований для применения статьи 406<sup>1</sup> ГК РФ при разрешении спора, но надлежащим образом не проверил представленный истцом расчет размера понесенных потерь и не дал оценки доводам ответчика в этой части.

*Определение № 305-ЭС26-602*

## **Споры, связанные с применением земельного законодательства**

**14. Водные объекты искусственного происхождения (пруд, обводненный карьер), обособленные и изолированные от других поверхностных водных объектов, могут находиться в частной собственности.**

Предприниматель является собственником земельного участка категории «земли населенных пунктов» с видом разрешенного использования «для предпринимательских целей».

Управление Федерального агентства водных ресурсов (далее – управление) обратилось в арбитражный суд с иском к предпринимателю о признании отсутствующим права собственности на земельный участок, об исключении из ЕГРН сведений об описании местоположения границ данного участка, о признании незаконными действий по засыпке грунтом расположенного на участке водного объекта и об обязанности провести мероприятия по восстановлению водного объекта.

В обоснование своих требований управление указало, что на спорном

земельном участке ранее располагался водный объект, который в настоящее время засыпан грунтом; формирование спорного земельного участка с включением в его границы водного объекта противоречит требованиям действующего законодательства; земельный участок, на котором располагался пруд, не подлежал приватизации.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в иске отказано, поскольку суды пришли к выводу, что допускается приобретение в собственность земельного участка, на котором имеется обособленный водный объект искусственного происхождения.

Суд кассационной инстанции принятые по делу судебные акты отменил и направил дело на новое рассмотрение, поскольку суды не дали оценку доводам управления о том, что на основании законодательства РСФСР и СССР, действовавшего в период образования водного объекта (1966–1979 гг.), любой водный объект, в том числе пруд-копань, являлся частью государственного водного фонда и до сих пор находится в федеральной собственности, так как ранее действовавшим законодательством не предусматривалась приватизация водных объектов.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда кассационной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление апелляционного суда, указав следующее.

По смыслу норм земельного и водного законодательства, как имевших силу на момент приватизации земельного участка, так и действующих в настоящее время, в собственности физического и (или) юридического лица может находиться земельный участок с расположенным на нем водным объектом, обладающим признаками изолированности и обособленности от других поверхностных водных объектов, то есть не имеющим гидравлической связи с иными водными объектами, не входящим в сеть водотоков и водоемов (статьи 7–9, 11, 34, 40 Водного кодекса Российской Федерации 1995 года, пункт 30 статьи 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», статья 27 ЗК РФ, части 2–4 статьи 8 Водного кодекса Российской Федерации (далее – ВК РФ)).

Если водный объект не обособлен и не изолирован от других поверхностных водных объектов и имеет с ними гидравлическую связь, расположен на водотоке (реке, ручье, канале) и включает в себя в качестве составной части такой водоток и покрытые им земли, которые в силу положений ВК РФ являются федеральной собственностью, такой водный объект может находиться только в федеральной собственности. Земельные участки под такими водными объектами (прудами) как объекты земельных отношений не формируются и в качестве таковых не могут быть предоставлены в собственность или в аренду.

Судами первой и апелляционной инстанций установлено, что водный объект, находившийся в границах спорного земельного участка, имел

искусственное происхождение, предназначался для накопления воды и использования для различных хозяйственных целей прежним правообладателем земельного участка.

В государственный водный реестр, ведение которого предусмотрено статьей 31 ВК РФ, спорный пруд не включен, и отсутствуют данные о том, что когда-либо уполномоченные органы учитывали этот пруд в качестве водного объекта.

Управление не представило доказательств того, что имевшийся ранее на участке предпринимателя водный объект (пруд-копань) имел природное (естественное) происхождение, гидравлическую связь с другими водными объектами, как поверхностными, так и подземными, равно как и доказательств того, что спорный земельный участок с водным объектом был предназначен и использовался для строительства и эксплуатации сооружений, обеспечивающих удовлетворение питьевых, бытовых, оздоровительных и других нужд населения, сельскохозяйственных, промышленных, рыбохозяйственных, энергетических, транспортных и иных государственных и общественных надобностей.

Сам по себе факт создания обособленного водного объекта (пруда-копани) в период действия водного и земельного законодательства РСФСР не является основанием для отнесения такого объекта и земельного участка, на котором пруд расположен, исключительно к федеральной собственности и не подтверждает наличие запрета на приватизацию такого участка.

*Определение № 305-ЭС25-13598*

**15. Суд не вправе обязать уполномоченный орган вынести решение о предварительном согласовании предоставления публичного земельного участка в безвозмездное пользование, если в период судебного разбирательства был принят нормативный правовой акт, в силу которого земельный участок невозможно использовать в заявленных целях.**

Садоводческое некоммерческое товарищество (далее – товарищество) обратилось в департамент архитектуры и градостроительства администрации муниципального образования (далее – департамент) с заявлением о предварительном согласовании предоставления образуемого земельного участка в безвозмездное пользование на пять лет для ведения садоводства для собственных нужд и об утверждении схемы расположения образуемого участка.

Департамент отказал в утверждении схемы земельного участка и предварительном согласовании его предоставления, сославшись на нарушение требований к образуемым участкам, установленных статьей 11<sup>9</sup> ЗК РФ.

Считая отказ департамента незаконным, товарищество обратилось в арбитражный суд.

Решением суда первой инстанции требования товарищества о признании незаконным отказа в предварительном согласовании предоставления земельного участка в безвозмездное пользование удовлетворены.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции (по безусловным основаниям) и удовлетворил требования товарищества, исходя из того, что образуемый земельный участок расположен в территориальной зоне «Ж-2» – малоэтажная жилая застройка высотой до 15 метров, одним из основных видов разрешенного использования земельных участков является ведение садоводства.

Суд кассационной инстанции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

По смыслу подпункта 8 пункта 1 статьи 1, подпункта 14 статьи 39<sup>16</sup>, статьи 85 ЗК РФ, пунктов 7 и 9 статьи 1 ГрК РФ рассмотрение спора о предварительном согласовании предоставления в безвозмездное пользование публичного земельного участка и об утверждении схемы его расположения садоводческим или огородническим некоммерческим товариществам в целях, предусмотренных Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», должно осуществляться исходя из оценки всех фактических обстоятельств дела, в частности соответствия заявителя установленным требованиям, наличия или отсутствия установленных законодательством обстоятельств, препятствующих образованию земельного участка как самостоятельного объекта и его использованию в заявленных целях, как на момент обращения с заявлением о предоставлении участка, так и на момент рассмотрения спора в суде.

В силу разъяснений, изложенных в пункте 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации», суд, признавая оспоренное решение, действие (бездействие) незаконным, может отказать в возложении на административного ответчика (орган или лицо, наделенные публичными полномочиями) обязанности совершить какие-либо действия, если на день рассмотрения дела законодательством установлен запрет на осуществление гражданами, организациями соответствующих действий.

В связи с этим изменение правового регулирования ко времени рассмотрения дела, как правило, не может служить основанием для отказа в восстановлении права, которое было незаконно нарушено органом или лицом, наделенными публичными полномочиями. Вместе с тем суд,

признавая оспоренное решение, действие (бездействие) незаконным, может отказать в возложении на административного ответчика (орган или лицо, наделенные публичными полномочиями) обязанности совершить какие-либо действия, если на день рассмотрения дела законодательством установлен запрет на осуществление гражданами, организациями соответствующих действий.

Таким образом, решение суда о принятии праввосстановительных мер должно соответствовать положениям действующего законодательства и быть исполнимым на дату его принятия. При установлении способа и срока устранения нарушения необходимо учитывать положения законодательства, в области применения которого был издан оспариваемый ненормативный правовой акт (принято оспариваемое решение).

Судами не принято во внимание, что на момент рассмотрения спора городское собрание муниципального образования утвердило новый генеральный план города, в соответствии с которым образуемый земельный участок расположен в функциональной зоне «зона озелененных территорий общего пользования (парки, сады, скверы, бульвары)», которая предназначена для размещения объектов отдыха (рекреации), коммунального обслуживания, общего пользования водными объектами, территорий общего пользования, причалов для маломерных судов и не предназначена для использования в целях ведения садоводства.

Генеральный план городского округа как документ территориального планирования является обязательным для органов государственной власти, органов местного самоуправления при принятии ими решений и реализации таких решений, в том числе при разработке правил землепользования и застройки (часть 3 статьи 9, пункт 3 части 1 статьи 18 ГрК РФ). Так, при подготовке правил землепользования и застройки границы территориальных зон устанавливаются с учетом функциональных зон и параметров их планируемого развития, определенных генеральным планом городского округа (пункт 2 части 1 статьи 34 ГрК РФ). Несоответствие правил землепользования и застройки муниципального образования генеральному плану является основанием для рассмотрения вопроса о приведении их в соответствие с указанным документом территориального планирования.

Однако суды, обязывая уполномоченный орган предварительно согласовать предоставление товариществу испрашиваемого участка для ведения садоводства и утвердить схему его расположения, не дали оценки действующим на момент рассмотрения спора документам территориального планирования, не проверили обстоятельства, связанные с отнесением в соответствии с новым генеральным планом испрашиваемого земельного участка к территории общего пользования.

*Определение № 308-ЭС25-13078*

## Споры, связанные с применением законодательства о рекламе

**16. Размещение рекламной конструкции на крыше здания при отсутствии доказательств соблюдения публичного порядка ее установки является основанием для принудительного демонтажа этой конструкции независимо от ее функционального назначения.**

Комитетом по управлению имуществом и земельными отношениями администрации города (далее в этом пункте – Комитет) обществу выдано предписание о демонтаже самовольно установленной и (или) эксплуатируемой рекламной конструкции по причине отсутствия разрешения на ее установку.

Не согласившись с предписанием Комитета, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Постановлением суда кассационной инстанции решение суда первой инстанции и постановление апелляционного суда отменены, требование общества удовлетворено.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда кассационной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление апелляционного суда с учетом следующего.

В рамках регулирования благоустройства территории муниципального образования органами местного самоуправления могут быть установлены правила, направленные на создание гармоничной, целостной и узнаваемой городской среды, сохранение культурной и архитектурной идентичности поселения, а также на предотвращение утраты облика и идентичности городской среды в результате применения владельцами зданий и помещений в них различных (не сочетаемых ни друг с другом, ни с архитектурным обликом города) элементов благоустройства.

Для достижения указанных целей правила благоустройства и изданные на их основе иные муниципальные правовые акты могут содержать требования к тому, как должны выглядеть и размещаться рекламные и информационные конструкции на фасадах и крышах зданий.

Принятыми в городе муниципальными правовыми актами, регулирующими отношения в сфере благоустройства, установлено, что вывеска должна размещаться непосредственно рядом с входом в организацию (указывать на него) и лишь в исключительных случаях размещаться на крышах с учетом величины здания, его проектного положения, а также предусмотрена необходимость получения согласия администрации на размещение вывесок.

При рассмотрении дела представители сторон подтвердили, что у входа в магазин имеется вывеска с полной информацией для потребителя

(фирменное наименование организации, место ее нахождения (адрес) и режим работы), предусмотренной статьей 9 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей».

Вместе с тем в ходе обследования здания Комитетом выявлена конструкция типа крышной установки: крупное буквенное сообщение с указанием фирменного логотипа.

Доказательств исключительной необходимости установки спорной конструкции на крыше здания обществом в материалы дела не представлено, равно как и доказательств согласования установки этой конструкции в порядке, определенном администрацией.

Кроме того, обществом в уполномоченном органе также не получено в установленном законом порядке предусмотренное разделом 9 требований к внешнему архитектурному облику города, утвержденных постановлением администрации города, разрешение на установку спорной конструкции и в материалы дела не представлены разрешительные документы на размещение спорной конструкции.

При таком положении вне зависимости от того, является ли спорная конструкция рекламной или информационной, в отсутствие доказательств законности ее установки в соответствии с муниципальными правовыми актами, определяющими правила благоустройства территории муниципального образования, действия заявителя правомерно признаны Комитетом нарушающими требования действующего законодательства, с чем обоснованно согласились суды первой и апелляционной инстанций.

*Определение № 309-ЭС26-1074*

### **Споры, связанные с применением антимонопольного законодательства**

**17. Устное антиконкурентное соглашение (картель) может быть признано недействительной сделкой в порядке статьи 169 ГК РФ со взысканием всего полученного по такой сделке дохода в федеральный бюджет.**

Прокуратура субъекта Российской Федерации обратилась в арбитражный суд с иском к пяти обществам о признании недействительной сделки-картеля (ограничивающего конкуренцию соглашения), в результате которой общества были признаны победителями в выбранных ими аукционах, и о применении последствий ее недействительности в виде взыскания с обществ солидарно в бюджет Российской Федерации дохода, полученного в результате реализации запрещенной антимонопольным законодательством сделки-картеля.

Ранее решением антимонопольного органа указанные общества признаны нарушившими положения пункта 2 части 1 статьи 11 Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции) в связи с заключением и

реализацией антиконкурентного соглашения при участии в закупках, организованных и проведенных муниципальными образованиями. Данное решение антимонопольного органа впоследствии признано законным в рамках рассмотрения арбитражным судом другого дела.

Обращаясь в суд с соответствующими требованиями, прокуратура субъекта Российской Федерации на основании статьи 169 ГК РФ квалифицировала заключенное обществами картельное соглашение в качестве сделки, совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности. По мнению прокуратуры, действия хозяйствующих субъектов, направленные на незаконное извлечение дохода за счет бюджетных средств, создали угрозу экономической безопасности государства. В связи с этим доход, полученный обществами в результате исполнения контрактов, заключенных по итогам торгов, подлежит признанию неправомерным, поскольку возможность осуществления предпринимательской деятельности и признание субъектов победителями торгов обусловлены исключительно нарушением требований антимонопольного законодательства всеми участниками картельного соглашения.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и удовлетворила иск прокуратуры субъекта Российской Федерации по следующим основаниям.

Согласно пункту 2 части 1 статьи 11 Закона о защите конкуренции запрещаются картели – ограничивающие конкуренцию соглашения между хозяйствующими субъектами-конкурентами, которые приводят или могут привести к повышению, снижению или поддержанию цен на торгах.

По смыслу указанной нормы картельные соглашения являются одной из наиболее опасных форм антиконкурентного поведения, поскольку значительный характер ущерба от такой деятельности обуславливается подавлением здоровой рыночной конкуренции, искусственным ростом цен, вытеснением с рынка лиц, добросовестно ведущих свою деятельность на конкурентных началах.

Антиконкурентные соглашения, реализуемые при участии хозяйствующих субъектов в контрактной системе в сфере закупок, влекут за собой также причинение непосредственного ущерба государству, поскольку исполнение государственных контрактов производится за счет бюджетных средств.

Частью 3 статьи 51 Закона о защите конкуренции предусмотрено, что лицо, чьи действия (бездействие) в установленном этим законом порядке признаны монополистической деятельностью или недобросовестной конкуренцией и являются недопустимыми в соответствии с антимонопольным законодательством, по предписанию антимонопольного

органа обязано перечислить в федеральный бюджет доход, полученный от таких действий (бездействия). В случае неисполнения этого предписания доход, полученный от монополистической деятельности или недобросовестной конкуренции, подлежит взысканию в федеральный бюджет по иску антимонопольного органа.

Таким образом, такая мера государственного воздействия на лиц, допустивших нарушение антимонопольного законодательства, как взыскание в федеральный бюджет тех доходов, которые были получены ими вследствие указанных действий (бездействия), предусмотрена законодательством и обусловлена существом антимонопольных нарушений как затрагивающих интересы государства, широкого круга субъектов экономической деятельности и потребителей.

Прибегая к понятию сделки при правовой квалификации картельного соглашения, надзорный орган правомерно исходил из того, что реализация антиконкурентного соглашения, достигнутого между участниками рынка, фактически состояла в заключении контрактов, исполнение которых производится за счет бюджетных средств. Это искажает условия конкуренции и наносит прямой ущерб публичным интересам, поскольку приводит к неэффективному расходованию бюджетных ресурсов.

Доход от таких сделок имеет противоправную природу, его получение не может быть признано законным (правомерным) применительно к пункту 2 части 1 статьи 11 и части 3 статьи 51 Закона о защите конкуренции, в связи с чем прокурор полномочен принимать меры по взысканию этого дохода в судебном порядке по правилам части 1 статьи 52 АПК РФ, пункта 4 статьи 1 и статьи 169 ГК РФ в целях полного восстановления публичных интересов, связанных в том числе с устранением негативных последствий нарушения субъектами предпринимательской деятельности положений антимонопольного законодательства и законодательства в сфере закупок для государственных нужд.

Поскольку факт заключения картельного соглашения был установлен вступившим в законную силу судебным актом по другому делу, взыскание всего полученного дохода солидарно со всех участников такого соглашения отвечает принципам гражданско-правовой ответственности и целям восстановления нарушенных публичных интересов. Это обусловлено тем, что участники картельного сговора действовали согласованно, с единым умыслом и общей противоправной целью.

На основании вышеизложенного требование прокуратуры о взыскании с обществ солидарно в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие заключения ими недействительной сделки (картеля), соответствует положениям пункта 4 статьи 1, статьи 169 ГК РФ и части 3 статьи 51 Закона о защите конкуренции.

*Определение № 309-ЭС25-15678*

**18. Действия продавца, признанного субъектом коллективного доминирования, по повышению стоимости товара после подписания**

**договора купли-продажи подлежат квалификации как нарушающие антимонопольный запрет, установленный частью 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции.**

Общество обратилось в антимонопольный орган с заявлением об ущемлении его интересов в сфере предпринимательской деятельности в связи с необоснованным увеличением компанией стоимости товара, подлежащего поставке по договору купли-продажи сельскохозяйственной техники и (или) оборудования, и вынужденным подписанием дополнительного соглашения к договору.

Антимонопольный орган установил, что компания является одним из субъектов коллективного доминирования на товарном рынке техники для сельскохозяйственных нужд в соответствующем субъекте Российской Федерации, при этом увеличение стоимости товаров не обусловлено экономическими причинами. На этом основании антимонопольный орган пришел к выводу о нарушении компанией части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции в части злоупотребления доминирующим положением на рынке и принял соответствующее решение.

Федеральная антимонопольная служба апелляционную жалобу компании оставила без удовлетворения.

Не согласившись с решениями антимонопольных органов, компания обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании их незаконными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суд кассационной инстанции решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменил, требования компании удовлетворил.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда кассационной инстанции, оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление апелляционного суда с учетом следующего.

В соответствии с частью 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции запрещаются действия (бездействие) занимающего доминирующее положение хозяйствующего субъекта, результатом которых являются или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо неопределенного круга потребителей. В частности, согласно пункту 3 указанной части запрещается навязывание контрагенту условий договора, невыгодных для него или не относящихся к предмету договора.

Поскольку согласно части 3 статьи 5 Закона о защите конкуренции доминирующим признается положение каждого хозяйствующего субъекта из нескольких хозяйствующих субъектов, в отношении которых выполняются условия коллективного доминирования, то при установлении

злоупотребления доминирующим положением любым из таких хозяйствующих субъектов подлежит установлению взаимосвязь между его положением на товарном рынке, его действиями (бездействием) и негативными последствиями именно его поведения.

При установлении такой взаимосвязи подлежат учету также условия предложения (реализации) товара другими хозяйствующими субъектами (например, цена, объемы, качество, наличие скидок и др.), в отношении которых выполняются условия коллективного доминирования либо условия приобретения товара другими покупателями товара (при установлении злоупотребления доминирующим положением на стороне покупателей), а также общие условия обращения товара на рынке.

Навязанными невыгодными условиями могут быть признаны условия, которые иной участник рынка не принял бы, исходя из своих разумно понимаемых экономических (коммерческих) интересов, и которые позволяют доминирующему на рынке субъекту извлекать выгоду посредством ограничения его контрагентов в отношении свободы ведения экономической деятельности.

При оценке наличия факта злоупотребления доминирующим положением в указанных случаях необходимо учитывать, имеется ли у доминирующего на рынке хозяйствующего субъекта законный интерес в установлении соответствующих условий договора, являются ли налагаемые на контрагентов ограничения соразмерными этому интересу.

Пресечение антимонопольного нарушения в форме навязывания невыгодных условий допускается как до, так и после заключения договора, в который включается подобное условие. Само по себе заключение договора с доминирующим на рынке субъектом без возражений, высказанных контрагентом на стадии заключения договора (например, без составления протокола разногласий по спорным условиям), и (или) исполнение договора не являются обстоятельствами, исключающими возможность квалификации поведения доминирующего субъекта как злоупотребления.

Таким образом, действия доминирующего на товарном рынке лица могут быть квалифицированы как злоупотребление положением на рынке, нарушающее антимонопольное законодательство, если по инициативе данного лица в договор с потребителем включены несправедливые условия, позволяющие доминирующему на рынке субъекту извлекать необоснованную (монопольную) выгоду за счет его контрагентов, для которых соответствующие условия, включая ценовые условия сделки, являются обременительными.

В данном случае продавец, изменив цену договора после его заключения, не разделит риск изменения цен производителем и риск изменения условий ведения экономической деятельности, а полностью переложил указанные риски на покупателя, стремясь обеспечить получение собственной высокой прибыли за счет потребителя, которому техника была необходима для ведения сезонной сельскохозяйственной деятельности и

который не имел реальной возможности противодействовать навязыванию договорного условия в силу сложившейся монопольной структуры рынка.

При таких обстоятельствах действия компании правомерно признаны антимонопольным органом нарушающими требования пункта 3 части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции, с чем обоснованно согласились суды первой и апелляционной инстанций.

*Определение № 304-ЭС25-14345*

## **Споры, связанные с применением законодательства о налогах и сборах**

**19. Проведение налоговой реконструкции по налогу на прибыль организаций при выявлении фиктивного документооборота с участием «технических» компаний допускается лишь при установлении фактического исполнителя по сделке и подтверждении реальных параметров ее исполнения.**

По результатам выездной налоговой проверки налоговый орган вынес решение о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, которым обществу начислены налог на прибыль организаций и налог на добавленную стоимость (далее – НДС), а также штраф, предусмотренный пунктом 3 статьи 122 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ).

Основанием для начисления налогов и привлечения к ответственности послужил вывод налогового органа о получении обществом необоснованной налоговой выгоды ввиду создания формального документооборота с целью неправомерного включения в состав расходов, уменьшающих налогооблагаемую прибыль, затрат по взаимоотношениям с рядом контрагентов, а также необоснованного предъявления к вычету НДС на основании выставленных от их имени счетов-фактур.

В ходе мероприятий налогового контроля установлено, что представленные обществом первичные документы содержат недостоверные сведения, составлены формально и не подтверждают реального выполнения работ (оказания услуг) заявленными контрагентами.

По мнению налогового органа, налогоплательщиком в финансово-хозяйственную деятельность вовлечены контрагенты, подконтрольные группе компаний, не обладающие самостоятельностью при ведении финансово-хозяйственной деятельности, являющиеся «техническими» компаниями, которые не имели возможности исполнять и фактически не исполняли договорные обязательства.

В ходе проведенного анализа представленных обществом регистров и документов в совокупности с книгами покупок, продаж и банковских выписок, документов и сведений, имеющихся в распоряжении налогового органа, установлены дополнительные расходы и налоговые вычеты, которые подлежат учету при определении налоговых обязательств.

Не согласившись с результатами налоговой проверки, общество оспорило в арбитражном суде решение налогового органа.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, оспариваемое решение признано незаконным в части доначисления налога на прибыль организаций и привлечения к налоговой ответственности за совершение налогового правонарушения в виде штрафа по налогу на прибыль организаций.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты в указанной части и отказала обществу в удовлетворении заявления по следующим основаниям.

Возможность учета расходов при исчислении налога увязана главой 25 НК РФ с их экономической оправданностью – необходимостью произвести расходы в целях осуществления деятельности, направленной на получение дохода, а также с наличием документального подтверждения затрат и доказанностью самого факта расхода.

Несмотря на то, что критерии эффективности и целесообразности осуществления налогоплательщиком соответствующих затрат не применяются напрямую при решении вопроса о допустимости их вычета, расходы не могут признаваться обоснованными только в силу того, что соответствующие затраты были понесены налогоплательщиком в рамках осуществляемых им видов деятельности, притом что получатель израсходованных ресурсов неизвестен.

Затраты в виде денежных средств, перечисленных «техническим» организациям и иным лицам, действующим вне рамок законного хозяйственного оборота, в том числе не уплачивающим налоги при совершении операций, не могут рассматриваться как расходы, необходимые для ведения деятельности.

Издержки на привлечение таких лиц, по смыслу подпункта 2 пункта 2 статьи 54<sup>1</sup> и пункта 1 статьи 252 НК РФ, не являются экономически оправданными затратами, учитываемыми при определении налоговой базы (прибыли) организации, даже если налогоплательщик счел их привлечение целесообразным и эффективным для получения дохода.

Иное нарушало бы интересы государства, связанные с противодействием налоговым злоупотреблениям, и создавало бы неправильные финансовые стимулы поведения участников оборота, поскольку налогоплательщики, ведущие деятельность с привлечением «теневых секторов» экономики, получали бы неоправданные преимущества в сравнении с иными налогоплательщиками, ведущими свою деятельность добросовестно.

Не имеет прочной законодательной основы и возможность легализации таких издержек путем применения расчетного способа определения налога.

Так, суммы налогов, подлежащие уплате налогоплательщиками в бюджетную систему Российской Федерации, могут определяться расчетным путем (подпункт 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ) в целях применения налоговой

реконструкции, если не ставится под сомнение как таковая возможность уменьшения налоговой базы на заявленные налогоплательщиком затраты (пункт 3 статьи 54<sup>1</sup> НК РФ).

Вместе с тем именно подлинность экономического содержания операции и реальность исполнения по сделке, а не данные формального документооборота лежат в основе определения действительной налоговой обязанности.

Исходя из этого возможность применения налоговой реконструкции определяется не формальными, а материальными условиями – установлением по результатам налоговой проверки (в том числе при содействии самого налогоплательщика, раскрывшего недостающие сведения и документы) того лица, которое фактически производило исполнение по сделке, с тем чтобы вывести реально совершенные хозяйственные операции из «теневого» (не облагаемого налогами) оборота, осуществить их полное налогообложение.

Таким образом, налоговая реконструкция обязательств по налогу на прибыль организаций при умышленном взаимодействии недобросовестного налогоплательщика с контрагентами, привлеченными лишь для вида, но в действительности не исполнявшими спорное обязательство (операцию), допустима при установлении фактического исполнителя по сделке и реальных параметров исполнения.

Легализация затрат налогоплательщика в виде денежных средств, перечисленных «техническим» компаниям на основании недостоверных (фиктивных) первичных документов, путем применения расчетного способа определения налога не допускается.

В данном случае при расчете обязательств общества по налогу на прибыль организаций налоговый орган учел все допустимые расходы соответствующих контрагентов, относящиеся к деятельности налогоплательщика в спорный период, документы по которым были представлены. Каких-либо дополнительных документов, в том числе первичных, для подтверждения расходов из числа не принятых налоговым органом налогоплательщик в суд не представил.

При таком положении Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации признала порядок определения налоговым органом недоимки по налогу на прибыль организаций при принятии оспариваемого решения соблюденным.

Вывод судов о допустимости уменьшения налоговой базы по налогу на прибыль организаций на основе неподтвержденной информации и мнения специалиста относительно расходов на привлечение нелегальной рабочей силы не соответствует положениям подпункта 2 пункта 2 статьи 54<sup>1</sup> и пункта 1 статьи 252 НК РФ.

*Определение № 307-ЭС25-11805*

## Процессуальные вопросы

**20. Законность судебного акта суда апелляционной инстанции, вынесенного по итогам рассмотрения дела по общим правилам искового производства, подлежит проверке судом кассационной инстанции без учета установленных статьей 288<sup>2</sup> АПК РФ особенностей рассмотрения кассационных жалоб на решения суда первой инстанции и постановления суда апелляционной инстанции по делам, рассмотренным в порядке упрощенного производства.**

Суд первой инстанции, рассмотрев дело в порядке упрощенного производства в соответствии с главой 29 АПК РФ, удовлетворил иск общества к компании о взыскании задолженности по договору поставки, а также процентов за пользование чужими денежными средствами.

Суд апелляционной инстанции, изучив доводы апелляционной жалобы компании, пришел к выводу о наличии оснований, предусмотренных пунктом 2 части 4 статьи 270 АПК РФ, для безусловной отмены решения суда ввиду рассмотрения дела в отсутствие ответчика, не извещенного надлежащим образом о начавшемся судебном процессе.

При таких обстоятельствах, руководствуясь частью 6<sup>1</sup> статьи 268 АПК РФ, суд апелляционной инстанции перешел к рассмотрению дела по общим правилам искового производства, установленным АПК РФ для рассмотрения дела в суде первой инстанции, принял к рассмотрению совместно с первоначальным иском встречный иск компании к обществу о взыскании задолженности и процентов за пользование чужими денежными средствами.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции, отказал в первоначальном иске и удовлетворил встречный иск.

Суд кассационной инстанции оставил постановление апелляционного суда без изменения.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда кассационной инстанции по следующим основаниям.

Частью 6<sup>1</sup> статьи 268 АПК РФ установлено, что при наличии оснований, предусмотренных частью 4 статьи 270 данного кодекса, арбитражный суд апелляционной инстанции рассматривает дело по правилам, установленным для рассмотрения дела в арбитражном суде первой инстанции. О переходе к рассмотрению дела по правилам суда первой инстанции выносится определение с указанием действий лиц, участвующих в деле, и сроков осуществления этих действий.

В соответствии с пунктом 52 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве», если при

рассмотрении апелляционной жалобы на решение по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, арбитражный суд осуществил переход к рассмотрению дела по правилам, установленным для рассмотрения дела в суде первой инстанции (часть 6<sup>1</sup> статьи 268 АПК РФ), производство по делу осуществляется по правилам раздела II АПК РФ. Такое дело рассматривается судьей единолично на основании части 1 статьи 272<sup>1</sup> АПК РФ. Арбитражный суд апелляционной инстанции указывает на рассмотрение дела по общим правилам искового производства в соответствующем определении.

Суд апелляционной инстанции, установив наличие оснований, предусмотренных пунктом 2 части 4 статьи 270 АПК РФ, в определении указал на переход к рассмотрению дела по общим правилам искового производства, установленным для рассмотрения дела в арбитражном суде первой инстанции, и назначил рассмотрение дела в судебном заседании.

В постановлении, вынесенном по итогам рассмотрения дела, которое производилось в судебном заседании с вызовом лиц, суд апелляционной инстанции также указал на переход к рассмотрению дела по правилам, установленным АПК РФ для рассмотрения дела в суде первой инстанции, то есть в порядке общего искового производства (раздел II АПК РФ).

При обжаловании судебного акта суда апелляционной инстанции, вынесенного по итогам рассмотрения дела по общим правилам искового производства, его законность подлежит проверке судом кассационной инстанции без учета установленных статьей 288<sup>2</sup> АПК РФ особенностей рассмотрения кассационных жалоб на решения суда первой инстанции и постановления суда апелляционной инстанции по делам, рассмотренным в порядке упрощенного производства.

Однако суд кассационной инстанции, ссылаясь на рассмотрение судами данного дела в порядке упрощенного производства на основании главы 29 АПК РФ, рассмотрел кассационную жалобу общества единолично, тем самым допустил нарушение норм процессуального права, лишив стороны права на рассмотрение жалобы коллегиальным составом суда.

В силу положений статьи 17 и пункта 1 части 4 статьи 288 АПК РФ рассмотрение дела, подлежащего разрешению коллегиальным составом суда, судьей единолично является основанием для отмены судебного акта, как принятого в результате рассмотрения дела судом в незаконном составе.

*Определение № 307-ЭС25-12449*

## **СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

### **Вопросы квалификации**

**21. Нецелевое использование опекуном денежных средств подопечного при отсутствии корыстной цели само по себе не свидетельствует о наличии состава преступления, предусмотренного статьей 160 Уголовного кодекса Российской Федерации.**

По приговору суда от 20 марта 2023 г., оставленному без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, Т. осужден по части 4 статьи 160 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) за хищение вверенного ему имущества в особо крупном размере.

В кассационной жалобе адвокат просил отменить состоявшиеся судебные решения, поскольку, по его мнению, оспариваемые расходы осуществлялись Т. с согласия и в интересах его подопечной Г., действия Т. не образуют состава хищения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к следующим выводам.

Как усматривается из материалов дела, Т. с 25 декабря 2019 г. является опекуном недееспособной Г., 1999 года рождения. С банковского счета подопечной он перевел на свой банковский счет денежные средства в размере 1 294 851 руб., из них снял в наличной форме 1 294 800 руб., в интересах Г. израсходовал денежные средства в размере 138 238 руб.

В дальнейшем Т. снял с банковского счета Г. наличные денежные средства в размере 244 266 руб., из них в интересах Г. израсходовал 156 138 руб., затем на банковский счет Г. перевел 610 000 руб.

Из вверенных Т. денежных средств, принадлежавших его подопечной Г., он обоснованно израсходовал в ее интересах 294 376 руб.

Согласно решению районного суда по гражданскому делу от 23 апреля 2021 г. денежные средства в размере 634 690 руб., принадлежавшие Г., ее опекуном Т. использованы необоснованно.

В период с 28 января 2020 г. по 23 апреля 2021 г. Т. из корыстных побуждений в нарушение пункта 1 статьи 37 ГК РФ, в соответствии с которым опекун распоряжается доходами подопечного исключительно в интересах подопечного, израсходовал на собственные нужды вверенные ему денежные средства на общую сумму 1 244 690 руб., причинив Г. имущественный ущерб.

Действия Т. квалифицированы судом по части 4 статьи 160 УК РФ.

Между тем в соответствии с пунктом 1 примечаний к статье 158 УК РФ под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Согласно разъяснениям, содержащимся в пунктах 25 и 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», разрешая вопрос о наличии в деянии состава хищения в форме присвоения или растраты, суд должен установить обстоятельства, подтверждающие, что умыслом лица охватывался противоправный, безвозмездный характер действий, совершаемых с целью обратить вверенное ему имущество в свою пользу или пользу других лиц. При решении вопроса о виновности лиц в совершении мошенничества,

присвоения или растраты суды должны иметь в виду, что обязательным признаком хищения является наличие у лица корыстной цели, то есть стремления изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых не ограничен.

В обоснование наличия корыстного умысла суды сослались на то, что Т. противоправно обратил денежные средства Г. в свою пользу. Расходы на благоустройство жилого дома и придомовой территории (приобретение строительных и отделочных материалов, производство работ и т. д.) не должны были производиться за счет подопечной Г., поскольку не связаны с необходимостью ее жизнеобеспечения.

Вместе с тем судом не дана оценка всем имеющим значение для разрешения дела обстоятельствам.

Из показаний Т. усматривается, что корыстной цели при расходовании денежных средств Г. у него не было, он руководствовался исключительно интересами подопечной.

Представители органов опеки и попечительства подтвердили тот факт, что опекун Т. не представил отчет о расходовании денежных средств с банковского счета Г., они обратились в суд с исковым заявлением о взыскании денежных средств с Т. Впоследствии размер исковых требований был уменьшен, поскольку Т. внес на счет Г. денежную сумму в размере 610 000 руб., часть денежных средств потратил в интересах подопечной Г.

Супруга Т. – А. (мать Г.) пояснила, что при расходовании денежных средств Т. руководствовался интересами Г. и все приобретенное имущество принадлежит Г.

Решением суда от 23 апреля 2021 г. установлено нецелевое использование Т. денежных средств, принадлежавших Г., так как приобретенными товарами и услугами пользовалась не только Г., но и супруги Т. и А. Других доказательств, свидетельствующих о том, что денежные средства Г. были обращены Т. в свою пользу, в судебных решениях не приведено.

Вместе с тем денежные средства, принадлежавшие Г., израсходованы Т. на улучшение ее жилищных условий. Дом и земельный участок с 6 апреля 2021 г. принадлежат А. и Г. (по 1/2 доле у каждой в праве общей долевой собственности на основании договора дарения). Т. не являлся собственником жилого дома. Г. владела и пользовалась домом с произведенными Т. улучшениями, затем приобрела право собственности на дом.

Денежные средства Г. были израсходованы на отдых в Краснодарском крае не только супругов Т. и А., но и самой Г., на ремонт автомашины, которая принадлежит А. и использовалась в интересах Г. как средство передвижения. Т. не являлся собственником указанной автомашины.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации состоявшиеся судебные решения в отношении Т. отменила, дело передала на новое судебное разбирательство<sup>1</sup>.

*Определение № 3-УД24-9-КЗ*

**22. Если на момент управления транспортным средством в состоянии опьянения судимость за преступление, предусмотренное статьей 264<sup>1</sup> Уголовного кодекса Российской Федерации (в редакции, действовавшей до 1 июля 2021 г.), погашена, то деяние не содержит состава преступления, предусмотренного частью 2 статьи 264<sup>1</sup> Уголовного кодекса Российской Федерации.**

По приговору суда от 14 ноября 2023 г. с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции, Ш., ранее судимый, в том числе по приговору от 21 января 2021 г., осужден по части 2 статьи 264<sup>1</sup> УК РФ к лишению свободы на срок 1 год 3 месяца в исправительной колонии строгого режима с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок 3 года.

Постановлением кассационного суда общей юрисдикции от 23 мая 2024 г. апелляционное постановление оставлено без изменения.

В кассационной жалобе осужденный просил изменить состоявшиеся решения, исключив в соответствии с частью 6 статьи 86 УК РФ указание на судимость по приговору от 21 января 2021 г., и смягчить наказание.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к следующему.

Суды должны учитывать, что в силу частей 1, 6 статьи 86 УК РФ только наличие у лица на момент совершения нового преступления не погашенной или не снятой в установленном порядке судимости может влечь определенные последствия, в частности учитываться в качестве признака состава преступления (например, предусмотренного частью 2 статьи 264<sup>1</sup> УК РФ).

Согласно пункту 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июня 2022 г. № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости» на основании пункта «а» части 3 статьи 86 УК РФ в отношении условно осужденного, которому назначено дополнительное наказание (часть 4 статьи 73 УК РФ), и это наказание не отбыто (не исполнено) к моменту истечения испытательного срока, судимость считается погашенной на следующий день после отбытия (исполнения) дополнительного наказания.

---

<sup>1</sup> Постановлением суда первой инстанции от 11 марта 2025 г. уголовное дело в отношении Т. возвращено прокурору на основании пункта 1 части 1 статьи 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом.

В силу части 4 статьи 47 УК РФ в случае назначения лишения права заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного наказания при условном осуждении его срок исчисляется с момента вступления приговора суда в законную силу.

Из материалов уголовного дела следует, что приговор от 21 января 2021 г., в соответствии с которым Ш. осужден по части 2 статьи 314<sup>1</sup>, статье 264<sup>1</sup> УК РФ на основании части 2 статьи 69, статьи 73 УК РФ к лишению свободы на срок 1 год 2 месяца условно с испытательным сроком 2 года с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок 2 года 6 месяцев, вступил в законную силу 2 февраля 2021 г.

Осужденный снят с учета уголовно-исполнительной инспекции в связи с истечением испытательного срока 21 января 2023 г., а дополнительное наказание отбыто 2 августа 2023 г.

Таким образом, на момент управления Ш. автомобилем 5 сентября 2023 г. в состоянии опьянения судимость по приговору от 21 января 2021 г. была погашена.

Принимая во внимание, что судимость по приговору от 21 января 2021 г. являлась обязательным признаком состава инкриминируемого Ш. преступления, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила обжалуемые судебные решения, производство по уголовному делу прекратила на основании пункта 2 части 1 статьи 24 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления.

*Определение № 42-УД25-1-К4*

**23. Признание лица должностным на основании пункта 1 примечаний к статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации в редакции, вступившей в силу после совершения инкриминированных ему деяний, нарушает требования статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, поскольку внесенные изменения расширили круг субъектов преступления, тем самым ухудшив положение виновного.**

По приговору суда от 22 июня 2023 г. с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции, Ю. осужден за превышение должностных полномочий и за получение взятки (11 преступлений).

Судом кассационной инстанции приговор и апелляционное определение оставлены без изменения.

В кассационных жалобах адвокат Ч. просил судебные решения отменить, производство по делу прекратить за отсутствием состава преступления, поскольку осужденный Ю. в период совершения инкриминируемых ему деяний в соответствии с примечанием к статье 285 УК РФ не относился к числу должностных лиц и, следовательно, не являлся субъектом преступлений, предусмотренных статьями 286, 290 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к следующим выводам.

Судом установлено, что Ю. по решению единственного участника ООО «Н. Н.» – ПАО «Г.» был избран на должность генерального директора ООО «Н. Н.» 30 мая 2012 г. сроком на 3 года, впоследствии переизбирался на указанную должность 31 мая 2015 г. и 1 июня 2018 г. на тот же срок.

По мнению суда первой инстанции, Ю., выполнявший организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в дочернем предприятии акционерного общества, контрольный пакет акций в котором принадлежит Российской Федерации, относился к числу субъектов должностных преступлений.

Однако суд первой инстанции не учел организационно-правовой статус ООО «Н. Н.», в котором Ю. осуществлял свои управленческие полномочия, как общества с ограниченной ответственностью, а также особенности его создания и функционирования, которые установлены и регулируются Федеральным законом от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Юридическая оценка действий Ю. противоречила содержанию пункта 1 примечаний к статье 285 УК РФ в редакции Федеральных законов от 1 декабря 2007 г. № 318-ФЗ и от 13 июля 2015 г. № 265-ФЗ, действовавшей в период совершения им инкриминируемых преступлений, из которого следует, что должностными лицами в статьях главы 30 УК РФ признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

Ю. на момент совершения инкриминируемых ему действий являлся генеральным директором ООО «Н. Н.» и выполнял организационно-распорядительные и административно-хозяйственные полномочия в организации, отнесение которой к числу указанных в пункте 1 примечаний к статье 285 УК РФ стало возможным только с момента вступления в силу Федерального закона от 24 февраля 2021 г. № 16-ФЗ «О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации», а именно с 7 марта 2021 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное и кассационное

определения, уголовное дело направила на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд иным составом суда<sup>2</sup>.

*Определение № 9-УД24-20-К1*

**24. Причинение имущественного ущерба собственнику путем обмана в виде неоплаты фактически потребленного объема газа влечет ответственность по статье 165 Уголовного кодекса Российской Федерации.**

По приговору суда от 18 декабря 2023 г. К. осужден по пункту «б» части 4 статьи 158 УК РФ.

По этому же приговору осужден А.

Судами апелляционной и кассационной инстанций приговор оставлен без изменения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, проверив материалы дела, изучив доводы, изложенные в кассационных жалобах адвокатов, поданных в защиту осужденного К., пришла к следующему.

К., действуя в период с 1 сентября 2016 г. по 1 июня 2017 г. лично, а затем в период с 1 июня 2017 г. по 13 марта 2020 г. – в составе группы лиц по предварительному сговору с А., уклоняясь от надлежащего исполнения договорных обязательств, занижал показатели фактически потребленного ООО «К. Т.» и ООО «ПК «К. Т.» объема газа путем внесения изменений в настроечные коэффициенты приборов учета, ложные сведения о которых отражал в актах поданного-принятого газа, указывая заведомо ложные сведения о том, что объем потребленного газа на названных предприятиях составил около 2 тыс. м<sup>3</sup>, тогда как фактически было израсходовано свыше 8 тыс. м<sup>3</sup>.

Таким образом, в указанные периоды ООО «Г.» причинен имущественный ущерб на общую сумму более 46 млн руб.

Суд первой инстанции квалифицировал действия К. и А. по пункту «б» части 4 статьи 158 УК РФ как кражу, то есть тайное хищение чужого имущества, совершенную группой лиц по предварительному сговору, из газопровода, в особо крупном размере.

Между тем в соответствии с положениями уголовного закона под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Статьей 165 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу

---

<sup>2</sup> Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Нижегородского областного суда от 19 июня 2025 г. приговор изменен: действия Ю. по 11 преступным эпизодам переквалифицированы со статьи 290 на статью 204 УК РФ, а также со статьи 286 на статью 201 УК РФ (производство по делу в этой части прекращено на основании пункта 5 части 1 статьи 24 УПК РФ).

имущества путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии вышеуказанных признаков хищения.

Согласно разъяснениям, данным в пункте 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», при решении вопроса о том, имеется ли в действиях лица состав преступления, предусмотренный статьей 165 УК РФ, суду необходимо установить, причинен ли собственнику или иному владельцу имущества реальный материальный ущерб либо ущерб в виде упущенной выгоды, то есть неполученных доходов, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено путем обмана или злоупотребления доверием.

Обман или злоупотребление доверием в целях получения незаконной выгоды имущественного характера может выражаться, например, в представлении лицом поддельных документов, освобождающих от уплаты установленных законодательством платежей (кроме указанных в статьях 194, 198, 199, 199<sup>3</sup>, 199<sup>4</sup> УК РФ) или от платы за коммунальные услуги, в несанкционированном подключении к энергосетям, создающем возможность неучтенного потребления электроэнергии или эксплуатации в личных целях вверенного этому лицу транспорта.

По смыслу вышеприведенных положений и разъяснений закона при краже как разновидности хищения происходит изъятие имущества у собственника или иного владельца и его незаконное обращение в пользу виновного или других лиц, тогда как при причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием такого изъятия не происходит.

Кроме того, деяние, предусмотренное статьей 165 УК РФ, характеризуется отличным от хищения механизмом незаконного извлечения выгоды, который состоит в том, что виновный обращает в свою пользу денежные средства или иное имущество, которое еще не поступило, но должно было поступить в фонды собственника или иного законного владельца, то есть имущественный ущерб, причиняемый при совершении данного преступления, заключается не в прямых убытках, как при хищении, а в неполучении должного, в упущенной выгоде.

Установленные судом фактические обстоятельства дела свидетельствуют о том, что в результате действий осужденных не произошло противоправного изъятия природного газа из владения ООО «Г.», собственнику путем обмана был причинен имущественный ущерб в виде неоплаты фактически потребленного объема газа.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации состоявшиеся судебные решения изменила: действия К. и А. переквалифицировала на пункты «а», «б» части 2 статьи 165 УК РФ (в редакции Федерального закона от 12 июня 2024 г. № 133-ФЗ).

*Определение № 41-УД25-10-К4*

**25. Насильственные действия сексуального характера, совершенные в разное время в отношении двух несовершеннолетних потерпевших, не образуют совокупности преступлений и подлежат квалификации по пункту «б» части 5 статьи 132 Уголовного кодекса Российской Федерации, поскольку преступная деятельность окончена после вступления в силу изменений, внесенных в указанную норму Федеральным законом от 28 января 2022 г. № 3-ФЗ.**

По приговору суда от 20 ноября 2024 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, Б., ранее не судимый, осужден по пункту «б» части 4 статьи 132, пункту «б» части 5 статьи 132, пункту «б» части 3 статьи 242 УК РФ.

В кассационной жалобе адвокат Т. в интересах осужденного просил отменить приговор в части обвинения Б. по пункту «б» части 5 статьи 132 УК РФ и квалифицировать его действия в отношении каждой из потерпевших по части 4 статьи 132 УК РФ. Он указывал, что исследованные по делу доказательства не подтверждают наличие у осужденного единого умысла на совершение преступления в отношении сразу двух потерпевших, поскольку оно совершалось в отношении разных потерпевших с разрывом во времени, а также ввиду того, что действия Б. являлись разными по своему содержанию в отношении каждой из потерпевших.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации состоявшиеся в отношении Б. судебные решения оставила без изменения, отметив следующее.

Б. осужден, помимо прочего, за действия сексуального характера в отношении Н. с использованием беспомощного состояния потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста, совершенные в периоды с 1 декабря 2021 г. по 27 января 2022 г. и с 1 по 7 февраля 2022 г. (до вступления в силу изменений, внесенных в часть 5 статьи 132 УК РФ Федеральным законом от 28 января 2022 г. № 3-ФЗ), а также за действия сексуального характера в отношении Н. в период с 28 по 29 октября 2023 г. и в отношении П. в период с 17 по 19 сентября 2023 г. с использованием беспомощного состояния потерпевших, не достигших четырнадцатилетнего возраста, в отношении двух несовершеннолетних.

Юридическая оценка действиям Б. судом дана правильно.

Доводы о необоснованности квалификации действий Б. по квалифицирующему признаку, предусмотренному пунктом «б» части 5 статьи 132 УК РФ, как совершенных в отношении двух или более несовершеннолетних со ссылкой на то, что доказательства не подтверждают наличие у осужденного единого умысла на совершение преступления в отношении сразу двух потерпевших – Н. и П., с учетом того что действия сексуального характера совершались в отношении разных потерпевших с разрывом во времени, являются несостоятельными.

По смыслу части 1 статьи 17 УК РФ совершение насильственных действий сексуального характера в отношении двух и более лиц одновременно или в разное время (если совершение таких действий предусмотрено статьей Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание) не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по пункту «б» части 5 статьи 132 УК РФ, то есть наличие единого умысла на совершение данных противоправных действий в отношении всех потерпевших не является обязательным условием для осуждения по вышеуказанному квалифицирующему признаку.

Учитывая, что после совершения в период с 1 декабря 2021 г. по 7 февраля 2022 г. в отношении Н. действий сексуального характера у Б. через значительный промежуток времени вновь возник умысел, направленный на удовлетворение своих сексуальных потребностей, на что обоснованно указал суд апелляционной инстанции, и в период с 28 по 29 октября 2023 г. он совершил противоправные действия в отношении Н., а также в период с 17 по 19 сентября 2023 г. – в отношении П., то есть после вступления в силу изменений, внесенных в часть 5 статьи 132 УК РФ Федеральным законом от 28 января 2022 г. № 3-ФЗ, данные действия Б. в отношении Н. и П. в указанные периоды (28–29 октября и 17–19 сентября 2023 г.) правильно квалифицированы по пункту «б» части 5 статьи 132 УК РФ как совершенные в отношении двух несовершеннолетних.

*Определение № 85-УД25-2-А1*

### **Назначение наказания, освобождение от наказания**

**26. В случаях, когда новый уголовный закон начал действовать после вступления приговора в законную силу, осужденный за деяние, преступность которого устранена этим законом, подлежит освобождению от отбывания наказания, что должно учитываться судом кассационной инстанции при пересмотре судебных решений.**

По приговору суда от 25 декабря 2023 г. П., ранее не судимый, осужден по части 1 статьи 199<sup>2</sup> УК РФ (в редакции Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ) к штрафу в размере 300 000 руб. На основании пункта 3 части 1 статьи 24, части 8 статьи 302 УПК РФ П. освобожден от назначенного наказания в связи с истечением срока давности уголовного преследования.

Апелляционным постановлением от 14 марта 2024 г. приговор оставлен без изменения. Кассационным постановлением от 3 сентября 2024 г. приговор и апелляционное постановление оставлены без изменения.

В кассационной жалобе адвокат М. просил судебные решения в отношении П. отменить с прекращением дела за отсутствием состава преступления. Кроме того, он отмечал, что на момент рассмотрения дела судом кассационной инстанции преступность деяния, в совершении которого П. был обвинен, устранена на основании изменений, внесенных

Федеральным законом от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ в примечание к статье 170<sup>2</sup> УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу, что кассационным судом общей юрисдикции при рассмотрении данного уголовного дела в порядке сплошной кассации были допущены существенные нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела.

П. признан виновным в том, что он, являясь директором ООО «С.», с целью уклонения от погашения недоимки по налогам и страховым взносам осуществлял перечисление денежных средств на счета контрагентов ООО «С.». Тем самым он совершил сокрытие денежных средств организации, за счет которых в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации, должно быть произведено взыскание недоимки по налогам и страховым взносам, на общую сумму 3 459 726,17 руб., что являлось крупным размером.

Действия П. были правильно квалифицированы по части 1 статьи 199<sup>2</sup> УК РФ (в редакции Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ).

Вместе с тем Федеральным законом от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ в примечание к статье 170<sup>2</sup> УК РФ внесены изменения, согласно которым крупным размером сокрытых денежных средств или имущества для целей статьи 199<sup>2</sup> УК РФ признается доход в сумме, превышающей 3 500 000 руб.

По данному уголовному делу размер сокрытых денежных средств меньше суммы, указанной в примечании к статье 170<sup>2</sup> УК РФ в ее новой редакции.

Согласно части 1 статьи 10 УК РФ уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующее деяние до вступления такого закона в силу.

В связи с этим действия П. с момента внесения в уголовный закон указанных изменений перестали быть преступными и на момент рассмотрения уголовного дела кассационным судом общей юрисдикции не образовывали состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 199<sup>2</sup> УК РФ.

По приговору суда П. был освобожден от назначенного наказания в связи с истечением срока давности уголовного преследования. Однако освобождение от уголовного наказания ввиду принятия уголовного закона, устраняющего преступность деяния, улучшает его положение.

Кассационный суд общей юрисдикции при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке необоснованно отказал в пересмотре приговора и апелляционного постановления.

Между тем согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 47<sup>1</sup> Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде

кассационной инстанции», суду кассационной инстанции надлежит устранять все выявленные в судебном заседании существенные нарушения уголовного закона (его неправильное применение), повлиявшие на исход дела, если их устранение влечет улучшение положения осужденного или иного лица, в отношении которого ведется кассационное производство по делу.

В соответствии с частью 2 статьи 24 УПК РФ уголовное дело подлежит прекращению по основанию, предусмотренному пунктом 2 части 1 статьи 24 УПК РФ (за отсутствием в деянии состава преступления), в случае, когда преступность и наказуемость этого деяния были устранены новым уголовным законом, принятым до вступления приговора в законную силу.

Также в соответствии с разъяснениями, содержащимися в пункте 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2025 г. № 10 «О практике применения судами положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона», в случаях, когда новый уголовный закон начал действовать после вступления приговора в законную силу, осужденный за деяние, преступность которого устранена этим законом, подлежит освобождению от отбывания наказания.

Такое решение может быть принято судом кассационной инстанции по результатам проверки вступившего в законную силу приговора.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации состоявшиеся судебные решения в отношении П. изменила, освободив его от наказания в связи с принятием уголовного закона, устраняющего преступность деяния.

*Определение № 41-УД25-11-К4*

**27. С учетом фактических обстоятельств дела и объекта преступного посягательства суд обоснованно признал обстоятельством, отягчающим наказание, совершение преступления в условиях вооруженного конфликта.**

По приговору суда от 10 октября 2024 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, Р., ранее не судимая, осуждена по части 3 статьи 30, пункту «а» части 2 статьи 281, пунктам «а», «в» части 3 статьи 222<sup>1</sup> УК РФ на основании частей 3, 4 статьи 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний к лишению свободы на срок 12 лет 6 месяцев в исправительной колонии общего режима со штрафом в размере 300 000 руб.

Р. признана виновной и осуждена за покушение на совершение диверсии группой лиц по предварительному сговору, а также за незаконные хранение и ношение взрывчатых веществ и взрывных устройств группой лиц по предварительному сговору с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Преступления совершены на территории г. Белгорода и Белгородской области.

В кассационной жалобе адвокат Л. просил изменить приговор и апелляционное определение, считая назначенное осужденной наказание чрезмерно суровым. По его мнению, суд необоснованно признал обстоятельством, отягчающим наказание Р., совершение ею противоправных действий в условиях вооруженного конфликта.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила кассационную жалобу без удовлетворения, указав следующее.

Из изложенного в приговоре описания преступных деяний, совершенных Р., следует, что она согласилась за денежное вознаграждение выполнять задания неустановленных лиц, направленные на подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации, заключающиеся в совершении поджогов и взрывов объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств.

С учетом фактических обстоятельств совершенных Р. преступлений, направленности умысла и объекта преступного посягательства (железная дорога, используемая для транспортировки войск Российской Федерации и их материально-технического снабжения), осведомленности Р. о проведении Россией специальной военной операции и производимых вооруженными формированиями Украины обстрелах территории Белгородской области, граничащей с Украиной (в том числе г. Белгорода), вывод суда о признании отягчающим наказание обстоятельством совершения Р. преступления в условиях вооруженного конфликта является обоснованным.

*Определение № 57-УД25-4-А1*

**28. Наказание в виде лишения свободы за преступление небольшой тяжести, совершенное лицом до постановления приговора за другое ранее совершенное преступление, то есть впервые, может быть назначено только при соблюдении условий, указанных в части 1 статьи 56 Уголовного кодекса Российской Федерации.**

По приговору суда от 22 ноября 2021 г. с учетом изменений, внесенных судом кассационной инстанции, И., ранее судимый 24 мая 2021 г. по статье 264<sup>1</sup> УК РФ к 240 часам обязательных работ с лишением права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами сроком на 2 года, осужден по части 3 статьи 30, пункту «г» части 4 статьи 228<sup>1</sup> УК РФ с применением статьи 64 УК РФ к 8 годам лишения свободы, по статье 264<sup>1</sup> УК РФ – к 1 году лишения свободы с лишением права управлять транспортными средствами сроком на 1 год 6 месяцев. На основании части 2 статьи 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний И. назначено 8 лет 3 месяца лишения свободы с лишением права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами на 1 год 6 месяцев; по правилам части 5 статьи 69 УК РФ путем частичного

сложения наказаний, назначенных по данному делу и по приговору от 24 мая 2021 г., назначено окончательное наказание в виде 8 лет 3 месяцев 5 дней лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на 2 года.

В апелляционном порядке дело не рассматривалось.

В кассационной жалобе осужденный просил изменить состоявшиеся судебные решения, смягчив назначенное ему наказание.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о наличии оснований для изменения состоявшихся судебных решений.

В силу положений части 1 статьи 60 УК РФ лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ, и с учетом положений Общей части названного кодекса.

Согласно части 1 статьи 56 УК РФ наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных статьей 63 УК РФ, за исключением преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 228, частью 1 статьи 231 и статьей 233 УК РФ, или только если соответствующей статьей Особенной части УК РФ лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания.

Поскольку ранее И. был осужден по приговору суда от 24 мая 2021 г. за преступление, совершенное 20 декабря 2020 г., преступления по данному делу, совершенные И. в феврале 2021 г., следует признать совершенными им впервые.

Судом не установлено отягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных статьей 63 УК РФ, санкция статьи 264<sup>1</sup> УК РФ кроме лишения свободы предусматривает и иные виды наказания.

При таких обстоятельствах судом первой инстанции при назначении И. наказания по статье 264<sup>1</sup> УК РФ были нарушены требования закона, которые не были устранены судом кассационной инстанции.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор и кассационное определение, назначила И. по статье 264<sup>1</sup> УК РФ наказание в виде 360 часов обязательных работ с лишением права управления транспортными средствами сроком на 1 год 6 месяцев. На основании части 2 статьи 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний назначила И. 8 лет 1 месяц лишения свободы с лишением права управления транспортными средствами на 1 год 6 месяцев; по правилам части 5 статьи 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний назначила окончательное наказание в виде 8 лет 1 месяца 5 дней лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с лишением права управления транспортными средствами на 2 года.

*Определение № 20-УД25-2-К5*

**29. В случае совершения нового преступления лицом, отбывающим наказание в виде лишения свободы, неотбытой частью наказания следует считать срок, оставшийся на момент избрания меры пресечения в виде заключения под стражу за вновь совершенное преступление.**

По приговору суда от 26 октября 2021 г. Г., ранее судимый, в том числе 17 апреля 2020 г. по части 3 статьи 30, пункту «г» части 3 статьи 158 УК РФ к лишению свободы на срок 2 года, осужден по части 4 статьи 111 УК РФ к лишению свободы на срок 7 лет 6 месяцев, на основании статьи 70 УК РФ назначено окончательное наказание в виде лишения свободы на срок 7 лет 8 месяцев в исправительной колонии особого режима с ограничением свободы на 6 месяцев с установлением ограничений и возложением обязанности согласно статье 53 УК РФ.

Судами апелляционной и кассационной инстанций приговор оставлен без изменения.

В кассационной жалобе осужденный просил изменить приговор в части назначенного наказания, поскольку при назначении наказания по совокупности приговоров суд неправильно исчислил оставшуюся неотбытой часть наказания по приговору от 17 апреля 2020 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к следующим выводам.

Как усматривается из приговора, окончательное наказание осужденному Г. в виде лишения свободы на срок 7 лет 8 месяцев назначено судом на основании статьи 70 УК РФ по совокупности приговоров путем частичного присоединения к назначенному наказанию по приговору от 26 октября 2021 г. (7 лет 6 месяцев лишения свободы) неотбытой части наказания по приговору от 17 апреля 2020 г. (2 месяца лишения свободы), по которому Г. осужден по части 3 статьи 30, пункту «г» части 3 статьи 158 УК РФ к 2 годам лишения свободы.

При назначении Г. окончательного наказания на основании статьи 70 УК РФ суд исходил из того, что осужденным по приговору от 17 апреля 2020 г. не отбыто наказание в виде лишения свободы сроком 5 месяцев 21 день.

Вместе с тем, принимая решение о частичном присоединении не отбытой осужденным части наказания по приговору от 17 апреля 2020 г. в виде 2 месяцев лишения свободы, суд не учел, что по этому приговору срок наказания Г. исчислялся с момента вступления приговора в законную силу, то есть с 17 июня 2020 г., с зачетом в срок отбытия наказания срока содержания осужденного под стражей с 11 декабря 2019 г. по 16 июня 2020 г. из расчета один день содержания под стражей за один день лишения свободы в исправительной колонии особого режима.

При этом мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении Г. по данному делу избрана 26 октября 2021 г. (в день вынесения приговора).

По смыслу закона в случае совершения нового преступления лицом, отбывающим наказание в виде лишения свободы, неотбытой частью

наказания следует считать срок, оставшийся на момент избрания меры пресечения в виде содержания под стражей за вновь совершенное преступление.

Таким образом, на момент избрания 26 октября 2021 г. в отношении Г. меры пресечения в виде заключения под стражу осужденным было отбыто по приговору от 17 апреля 2020 г. 1 год 10 месяцев 15 дней лишения свободы, и, соответственно, не отбытый осужденным срок наказания по этому приговору составил 1 месяц 15 дней лишения свободы, а не 5 месяцев 21 день, как указано в приговоре.

Исходя из этого, присоединяя к назначенному наказанию по обжалуемому приговору неотбытую часть наказания по приговору от 17 апреля 2020 г. в виде 2 месяцев лишения свободы, суд ухудшил положение осужденного.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации состоявшиеся судебные решения в отношении Г. изменила, смягчив назначенное на основании статьи 70 УК РФ наказание в виде лишения свободы до 7 лет 7 месяцев.

*Определение № 87-УД25-3-К2*

### **Процессуальные вопросы**

**30. Невыполнение судом требований уголовно-процессуального закона об оценке в приговоре всех исследованных в судебном заседании доказательств, как уличающих, так и оправдывающих подсудимого, повлекло отмену судебных решений.**

По приговору суда от 21 мая 2024 г., оставленному без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, К. осужден по части 1 статьи 30, пункту «б» части 4 статьи 132 УК РФ.

В кассационной жалобе адвокат Б. просил об отмене состоявшихся в отношении осужденного судебных решений и о прекращении производства по делу, указывая, в частности, на то, что судами не дана надлежащая оценка совокупности показаний осужденного, потерпевшего и свидетелей, а также оставлены без внимания противоречия в показаниях малолетнего потерпевшего и осужденного.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к следующим выводам.

Как следует из приговора, К. с целью удовлетворения своих сексуальных потребностей вступил в разговор с малолетним П., 2018 года рождения, и, введя потерпевшего в заблуждение относительно своих истинных намерений, пригласил его к себе домой, где, используя его беспомощное состояние для достижения своей преступной цели, хотел совершить действия сексуального характера в отношении потерпевшего. При этом не смог довести свой преступный умысел до конца по независящим от него обстоятельствам в связи с тем, что постороннее лицо пресекло его

действия, а П., несмотря на неоднократные предложения осужденного пройти с ним, убежал от него.

В обоснование своего вывода о виновности К. в содеянном суд в приговоре сослался на показания К. и потерпевшего П., данные ими в ходе предварительного расследования, показания законного представителя П. и ряда свидетелей, а также на другие доказательства.

Из показаний несовершеннолетнего потерпевшего П., данных им в ходе предварительного следствия и признанных судом достоверными, следует, что на улице к нему подходил мужчина, который ему сказал, что едет скорая помощь, бабушке стало плохо; от дяди пахло невкусным запахом; он сказал дяде, что мама не разрешает ему разговаривать с незнакомыми людьми, после чего убежал во двор дома с парикмахерской, выбежал с другой стороны двора; дядя его не трогал, стоял от него далеко, больше ничего не говорил, в гости к себе чай попить не звал, ничего ему не предлагал.

Эти же обстоятельства подтвердила законный представитель потерпевшего – его мать П.М., которая утверждала, что сын не говорил ей, что неизвестный его куда-то еще звал, ребенок не был напуган, и она не придавала этой ситуации особого значения. Показания такого же в целом содержания П.М. дала при допросе в судебном заседании.

Свидетель Ч., распространившая информацию об указанном событии в средствах массовой информации (что в дальнейшем послужило поводом для проверочных мероприятий), изложила их таким образом, что неизвестный мужчина подошел к мальчику, попытался завязать с ним разговор и пригласил к себе в гости, а когда ребенок отказался, начал просить ребенка помочь, так как якобы за углом бабушке стало плохо и даже скорая приехала, а когда ребенок испугался и побежал прятаться, мужчина побежал за ним, но очевидец, молодой парень, спугнул его, и тот вынужден был ретироваться, при этом ни мальчик, ни парень не разглядели внешность мужчины, кроме его одежды – красной куртки.

По существу, об этом же Ч. дала показания следователю.

Показания Ч. легли в основу обвинения К. в совершении действий по приготовлению к преступлению, выразившихся в приглашении им ребенка к себе домой, где он планировал осуществить посягательство на его половую неприкосновенность.

Между тем ни потерпевший П., ни его законный представитель П.М. ни в своих показаниях, ни в более ранних объяснениях не упоминали о том, что неизвестный мужчина звал ребенка куда-то с ним пойти.

Давая признательные показания на стадии расследования дела, К. не отрицал, что звал ребенка с собой, предлагал угостить его чаем, показать машинки, купить конфет, о чем ни ребенок, ни его мать, ни свидетель Ч. никогда не сообщали органам следствия и суду.

Имеющиеся разногласия в показаниях К. и потерпевшего П., данных ими в ходе предварительного следствия, суд посчитал не ставящими под сомнение доказанность вины осужденного в совершении инкриминируемого

деяния, исходя из того что К. находился в состоянии алкогольного опьянения, а потерпевший является малолетним.

В дальнейшем в ходе предварительного следствия, а затем в судебном заседании К. эти показания не подтвердил, настаивал на их вынужденном характере, вину свою не признал.

Сославшись в приговоре в том числе на показания законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего П. и свидетеля Ч. как на доказательства виновности осужденного в инкриминируемом ему деянии, суд в то же время оставил без внимания и не устранил противоречия в показаниях указанных лиц относительно состоявшегося у К. с потерпевшим разговора, содержание которого в данном случае имело важнейшее значение для установления факта совершения им преступления и решения вопроса о направленности его умысла.

При изменении подсудным показаний, данных им в процессе предварительного следствия, суд обязан проверить те и другие его показания, выяснить причину изменения подсудным первоначальных показаний и после тщательного исследования в совокупности с другими доказательствами, собранными по делу, дать им оценку. В этом случае суд должен привести мотивы того, почему он признает достоверными одни показания и отвергает другие.

В соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства суд при выявлении обстоятельств, вызывающих сомнения в обоснованности обвинения, при наличии противоречий в исследованных доказательствах полностью либо в части обязан устранить возникшие сомнения и противоречия, чего сделано не было.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное и кассационное определения, уголовное дело направила на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд иным составом суда<sup>3</sup>.

*Определение № 3-УД25-1-КЗ*

## **СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ**

### **Споры, возникающие из административных и иных публичных правоотношений**

**31. Истечение срока действия договора аренды земельного участка не препятствует осуществлению кадастрового учета и регистрационных действий в отношении объекта недвижимости, возведенного на земельном участке в период действия такого договора.**

---

<sup>3</sup> При новом рассмотрении дела в отношении К. постановлен оправдательный апелляционный приговор.

И. обратился в суд с административным исковым заявлением о признании незаконными решения территориального управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (далее – территориальное управление Росреестра) о приостановлении государственного кадастрового учета и государственной регистрации права собственности в отношении жилого дома (далее в этом пункте – решение территориального управления Росреестра), а также решения апелляционной комиссии по рассмотрению заявлений об обжаловании решений о приостановлении осуществления государственного кадастрового учета или решений о приостановлении осуществления государственного кадастрового учета и государственной регистрации прав при территориальном управлении Росреестра (далее в этом пункте – апелляционная комиссия); о возложении на административного ответчика обязанности осуществить государственный кадастровый учет и государственную регистрацию права собственности в отношении жилого дома.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации принятые по делу судебные акты отменила, приняла по делу новое решение. Признала незаконными решение территориального управления Росреестра и решение апелляционной комиссии, возложила на территориальное управление Росреестра обязанность повторно рассмотреть заявление И., руководствуясь следующим.

С учетом положений части 2 и части 10 статьи 40 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – Закон о регистрации недвижимости), абзаца второго пункта 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке», пункта 24 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» истечение срока действия договора аренды земельного участка, предназначенного, в частности, для индивидуального жилищного строительства, не препятствует осуществлению кадастрового учета и регистрационных действий в отношении объекта недвижимости, созданного на земельном участке в период действия такого договора.

Следовательно, для решения вопроса о возможности осуществления кадастрового учета и регистрационных действий в отношении объекта недвижимости в данном случае имеет значение момент возведения жилого дома – в период действия договора аренды или за его пределами.

Согласно материалам дела постановлением главы муниципального района города принято решение о предоставлении И. в аренду земельного участка, отнесенного к категории земель «земли населенных пунктов», с

видом разрешенного использования «для строительства индивидуального жилого дома».

На основании договора аренды земельного участка и договора аренды земельного участка для завершения строительства индивидуального жилого дома администрацией муниципального района И. предоставлен земельный участок, на котором построен жилой дом.

По истечении срока действия договора аренды решением территориального управления Росреестра государственный кадастровый учет и государственная регистрация прав приостановлены на основании пункта 5 части 1 статьи 26 Закона о регистрации недвижимости в связи с непредставлением правоустанавливающих документов на земельный участок, запись о государственной регистрации договора аренды погашена.

Решением апелляционной комиссии решение территориального управления Росреестра признано законным и обоснованным.

Однако регистрирующим органом не учтены факты, установленные судом по иному гражданскому делу, подтверждающие, что на земельном участке имелся объект недвижимости, строительство которого завершено до истечения срока действия договора аренды, а земельный участок освоен И. согласно целевому назначению.

Указанные обстоятельства свидетельствуют об отсутствии препятствий для проведения регистрационных действий и государственного кадастрового учета в отношении жилого дома.

С учетом указанных обстоятельств решение территориального управления Росреестра, основанное только на факте отсутствия прав лица на земельный участок на дату обращения с заявлением в регистрирующий орган, нарушает положения части 2 статьи 40 Закона о регистрации недвижимости.

*Определение № 57-КАД26-1-К1*

**32. В случае истечения срока действия решения уполномоченного органа о разрешении на разработку документации по землеустройству завершение оформления прав лица на земельный участок возможно, если это допускается законодательством субъекта Российской Федерации.**

М. обратилась в суд с административным иском о признании незаконным постановления администрации города об отказе в предоставлении в собственность земельного участка и о возложении на администрацию города обязанности принять решение о передаче земельного участка в собственность М.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении административного иска отказано. Суды сочли, что право граждан на завершение оформления прав на земельные участки должно возникнуть на основании решений о разрешении на разработку документации

по землеустройству. В отношении земельного участка, отводимого М., срок действия решения городского совета о разрешении на разработку документации по землеустройству истек. За продлением срока действия указанного решения М. не обращалась, проект отвода земельного участка органом местного самоуправления не утвержден.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты, признала незаконным постановление администрации города об отказе в предоставлении в собственность М. земельного участка в порядке завершения оформления прав. На администрацию города возложена обязанность повторно рассмотреть заявление М. о предоставлении земельного участка в собственность в порядке завершения оформления прав.

Судебная коллегия исходила из следующего.

Решением городского совета М. дано разрешение на составление проекта отвода земельного участка для строительства и обслуживания жилого дома и хозяйственных построек. М. обратилась с заявлением в городской департамент имущественных и земельных отношений администрации города о предоставлении земельного участка в собственность.

Отказывая М. в предоставлении в собственность земельного участка, администрация города ссылалась на то, что представленный в качестве основания такого заявления документ – решение сессии поселкового совета – не соответствовал требованиям закона субъекта Российской Федерации об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на его территории, согласно которым завершение оформления права на земельные участки, начатого до вступления в силу Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (далее в этом пункте – Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ), осуществляется, в частности, на основании неисполненных решений органа местного самоуправления, органа исполнительной власти о даче разрешения на разработку проекта землеустройства по отводу земельного участка.

Вместе с тем с учетом положений части 1<sup>1</sup> статьи 12<sup>1</sup> Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ, закона субъекта Российской Федерации об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории субъекта Российской Федерации, порядка переоформления прав или завершения оформления прав на земельные участки на территории субъекта Российской Федерации, утвержденного постановлением Совета министров субъекта Российской Федерации, законодательство указанного субъекта Российской Федерации не ставит завершение оформления прав на земельный участок в зависимость от наличия либо отсутствия сроков действия решения о разрешении на разработку документации по землеустройству.

Поскольку на дату обращения М. в администрацию города имелось действующее неисполненное решение о разработке проекта землеустройства по отводу земельного участка с утвержденным генеральным планом застройки земельного участка, заявителем принимались необходимые меры по подготовке соответствующей документации до вступления в силу названного закона субъекта Российской Федерации, решение администрации города об отказе в предоставлении в собственность земельного участка является незаконным.

*Определение № 127-КАД26-3-К4*

**33. Имущество, полученное в порядке дарения, освобождается от налогообложения независимо от характера и целей его использования, если даритель и одаряемый являются членами семьи и (или) близкими родственниками.**

С. обратился в суд с административным иском с заявлением об оспаривании решения налоговой инспекции, которым ему начислен налог на доходы физических лиц (далее – НДФЛ) за 2021 год от полученного в дар от сына (В.) имущества – 16 объектов недвижимости, а также решения Управления Федеральной налоговой службы по субъекту Российской Федерации (далее в этом пункте – Управление), которым жалоба С. на решение налоговой инспекции оставлена без удовлетворения.

Удовлетворяя административное исковое заявление, суд первой инстанции установил, что даритель и одаряемый по отношению друг к другу являются близкими родственниками (отцом и сыном), и пришел к выводу о том, что доход, полученный на основании договора дарения от близких родственников, подлежал освобождению от НДФЛ.

Апелляционным определением, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, решение суда первой инстанции отменено, производство по делу в части оспаривания решения Управления прекращено, в удовлетворении остальной части требований отказано.

Суды исходили из того, что на момент совершения сделки В. (даритель) был зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя, подаренное имущество имеет признаки коммерческой недвижимости, не предназначено для использования в личных и (или) семейных целях; после заключения договора дарения для дальнейшего использования упомянутой недвижимости в коммерческих целях С. (одаряемый) приобрел статус индивидуального предпринимателя.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты судов апелляционной и кассационной инстанций, решение суда первой инстанции оставила в силе с учетом следующего.

В соответствии с абзацем первым пункта 18<sup>1</sup> статьи 217 НК РФ (в редакции, действовавшей на момент совершения сделки) не подлежат налогообложению (освобождаются от налогообложения) доходы в денежной

и натуральной формах, получаемые от физических лиц в порядке дарения, за исключением случаев дарения недвижимого имущества, транспортных средств, акций, долей, паев, если иное не предусмотрено данным пунктом.

Доходы, полученные в порядке дарения, освобождаются от налогообложения в случае, если даритель и одаряемый являются членами семьи и (или) близкими родственниками в соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации (абзац второй пункта 18<sup>1</sup> статьи 217 НК РФ).

Ограничений в применении освобождения от налогообложения в случае дарения недвижимого имущества в зависимости от цели использования полученного в дар недвижимого имущества (в личных или предпринимательских целях), его функциональных характеристик, наличия у дарителя или одаряемого статуса индивидуального предпринимателя законом не предусмотрено. Единственным необходимым объективным критерием для освобождения одаряемого от налогообложения является наличие близких родственных отношений между дарителем и одаряемым.

Поскольку договор дарения объектов недвижимости заключен между отцом и сыном, оснований для доначисления одаряемому С. НДФЛ у налогового органа не имелось.

*Определение № 44-КАД26-3-К7*

**34. При доказанности факта наличия нескольких лиц с совпадающими сведениями, идентифицирующими их (фамилия, имя, отчество и дата рождения), один из которых является должником по исполнительному производству, на должностных лицах службы судебных приставов лежит обязанность принять меры, исключаящие нарушение прав лица, не являющегося должником.**

И. обратилась в суд с административным иском о признании незаконными бездействия судебного пристава-исполнителя, выразившегося в ненадлежащем исполнении обязанностей по обработке персональных данных, и действий, связанных с размещением в федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» «Госуслуги» (далее – портал «Госуслуги») и на официальном сайте Федеральной службы судебных приставов (далее – ФССП России) недостоверной информации о наличии у административного истца задолженности по исполнительному производству.

Отменяя принятые по делу судебные акты, которыми И. отказано в удовлетворении требования, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации удовлетворила административный иск, руководствуясь положениями статей 9, 10, 12, пункта 1 статьи 13 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации», Закона об исполнительном производстве, пунктов 1.6 и 3.3 Порядка создания и

ведения банка данных в исполнительном производстве Федеральной службы судебных приставов в электронном виде, утвержденного приказом ФССП России от 12 мая 2012 г. № 248, и при этом исходила из следующего.

На ФССП России возложена обязанность по созданию и ведению, в том числе в электронном виде, банка данных исполнительного производства, по обеспечению размещения в едином личном кабинете лица, участвующего в исполнительном производстве, на портале «Госуслуги» извещения в форме электронного документа<sup>4</sup> (статья 6<sup>1</sup>, части 1 и 3 статьи 24, часть 1 статьи 50<sup>1</sup> Закона об исполнительном производстве).

Со дня возбуждения исполнительного производства ФССП России направляет в Государственную информационную систему о государственных и муниципальных платежах (далее – ГИС ГМП) информацию, необходимую для взыскания задолженности по исполнительному документу<sup>5</sup>, к которой в числе прочего относятся сведения о должнике. Применительно к должникам-гражданам такими сведениями являются: фамилия, имя, отчество (при наличии), дата и место рождения, место жительства или место пребывания, один из идентификаторов, место работы, если известно (часть 1 статьи 13 Закона об исполнительном производстве).

При наличии подтвержденных данных о двойнике должника по исполнительному производству должностные лица службы судебных приставов обязаны принять меры по недопущению попадания в указанные информационные системы сведений о лице, не являющемся должником по исполнительному производству<sup>6</sup>.

Согласно материалам дела 31 августа 2023 г. И. включена в базу двойников должников по исполнительным производствам.

Вместе с тем по истечении менее двух лет от указанной даты недостоверные данные о наличии у И. задолженности по возбужденному исполнительному производству вновь стали отображаться в электронной базе ФССП России, на портале «Госуслуги», в личном кабинете административного истца на сайте обслуживающего ее банка, в ГИС ГМП.

При этом у административного истца и должника по исполнительному производству совпадали фамилия, имя, отчество и дата рождения, а место рождения, адрес регистрации, ИНН и СНИЛС были разными.

Следовательно, при размещении информации об исполнительном производстве в отношении должника административными ответчиками допущено ненадлежащее исполнение возложенных на них обязанностей.

С 2022 года должностные лица ФССП России были осведомлены

---

<sup>4</sup> Пункты 1 и 2 Правил направления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей извещения в форме электронного документа, подписанного судебным приставом-исполнителем усиленной квалифицированной электронной подписью, при соблюдении которых лицо, участвующее в исполнительном производстве, считается извещенным, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июня 2016 г. № 606.

<sup>5</sup> Часть 5 статьи 6<sup>1</sup> Закона об исполнительном производстве, пункты 2.2, 4.1 Порядка ведения Государственной информационной системы о государственных и муниципальных платежах, утвержденного приказом Федерального казначейства от 12 мая 2017 г. № 11.

<sup>6</sup> Письмо ФССП России от 29 мая 2017 г. № 00011/17/48684-ДА «О вопросах ошибочной идентификации граждан как должников по исполнительному производству».

о наличии двойника должника и должны были принять меры, исключаящие нарушение его прав и законных интересов.

*Определение № 67-КАД26-1-К8*

**35. Полномочия по формированию и обеспечению функционирования системы наблюдения за состоянием атмосферного воздуха на территории субъекта Российской Федерации возложены на органы государственной власти субъекта Российской Федерации.**

Межрайонный природоохранный прокурор обратился в суд с административным иском в интересах неопределенного круга лиц к Федеральной службе по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (далее – Росгидромет), управлению федерального государственного бюджетного учреждения по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (далее в этом пункте – управление), министерству природных ресурсов и экологии субъекта Российской Федерации (далее в этом пункте – министерство) о признании незаконным бездействия, выразившегося в непринятии мер по проведению государственного мониторинга за состоянием атмосферного воздуха в городском поселении.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, административный иск удовлетворен частично. Бездействие Росгидромета и управления признано незаконным, на них возложена обязанность осуществить указанные мероприятия.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты, приняла новое решение о частичном удовлетворении требований, отказала в удовлетворении административного иска к Росгидромету и управлению, признала незаконным бездействие министерства, выразившееся в непринятии мер по проведению государственного мониторинга за состоянием атмосферного воздуха в городском поселении. На министерство возложена обязанность по проведению на территории городского поселения государственного мониторинга за состоянием атмосферного воздуха в соответствии с главой IX Требований к проведению наблюдений за состоянием окружающей среды, ее загрязнением, утвержденных приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 30 июля 2020 г. № 524 (далее в этом пункте – Требования), в течение 6 месяцев с момента вступления судебного решения в законную силу. Судебная коллегия руководствовалась следующим.

К полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области охраны атмосферного воздуха относится участие в организации и проведении государственного мониторинга атмосферного воздуха (пункт 167 части 1 статьи 44 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», пункт 1 статьи 6 Федерального закона от

4 мая 1999 г. № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» (далее – Закон об охране атмосферного воздуха).

Государственный мониторинг атмосферного воздуха в соответствии с пунктом 2 статьи 23 Закона об охране атмосферного воздуха является составной частью государственного экологического мониторинга (государственного мониторинга окружающей среды) и осуществляется федеральными органами исполнительной власти в области охраны окружающей среды, другими органами исполнительной власти в пределах своей компетенции в порядке, установленном уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти.

С учетом того что такой порядок до настоящего времени не определен, общественные отношения в сфере государственного мониторинга атмосферного воздуха регулируются общими нормами о государственном мониторинге окружающей среды, а к вопросам осуществления на территории субъекта Российской Федерации государственного мониторинга за состоянием атмосферного воздуха применяется соглашение между Росгидрометом и правительством субъекта Российской Федерации о сотрудничестве в области гидрометеорологии и смежных с ней областях, мониторинга состояния и загрязнения окружающей среды.

Отсутствие в населенном пункте объектов первой категории негативного воздействия на окружающую среду, невозможность его отнесения к крупным промышленным центрам свидетельствуют о том, что ни Росгидромет, ни управление незаконного бездействия не допустили.

Полномочия по формированию и обеспечению функционирования территориальной системы наблюдения за состоянием окружающей среды на территории субъекта Российской Федерации закреплены за министерством на основании положения о министерстве природных ресурсов и экологии субъекта Российской Федерации, утвержденного постановлением правительства субъекта Российской Федерации.

Министерство как уполномоченный орган по организации и проведению государственного мониторинга атмосферного воздуха в части формирования и обеспечения функционирования территориальной системы мониторинга состояния атмосферного воздуха в субъекте Российской Федерации не приняло предусмотренные главой IX Требований меры для установки стационарного пункта (поста) наблюдения атмосферного воздуха в городском поселении, не обеспечило функционирование на его территории подвижного пункта наблюдения.

*Определение № 66-КАД26-1-К8*

**36. Отсутствие идентификационной маркировки транспортного средства и его основных компонентов препятствует совершению уполномоченным органом регистрационных действий.**

С. обратился в суд с административным иском к Главному управлению Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации (далее в этом пункте – управление) о признании незаконным решения регистрационного подразделения управления об отказе во внесении изменений в регистрационные данные транспортного средства в связи со сменой владельца на основании договора купли-продажи, об обязанности устранить допущенные нарушения.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении административного иска отказано.

Апелляционным определением, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, решение суда первой инстанции отменено, по делу принят новый судебный акт, которым оспариваемое решение признано незаконным, на административного ответчика возложена обязанность повторно рассмотреть заявление С.

Суды апелляционной и кассационной инстанций исходили из того, что представленный на осмотр автомобиль сопоставим с данными, содержащимися в документе, идентифицирующем транспортное средство.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила определения судов апелляционной и кассационной инстанций, оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно пункту 4 части 1 и части 2 статьи 16 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 283-ФЗ «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о государственной регистрации транспортных средств) при осмотре транспортного средства, который проводится при внесении в регистрационные данные транспортного средства изменений, связанных со сменой владельца, осуществляются его идентификация и проверка соответствия конструкции транспортного средства представленным документам, а в необходимых случаях – проверка соответствия изменений, внесенных в конструкцию транспортного средства, документам о соответствии транспортного средства с внесенными в его конструкцию изменениями требованиям безопасности.

Исходя из толкования норм пункта 3 статьи 4, пункта 6 части 1 статьи 18, пунктов 1 и 2 части 1, пункта 1 части 5 статьи 20 Закона о государственной регистрации транспортных средств, положений пунктов 83 и 84 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 21 декабря 2019 г., одним из условий совершения регистрационных действий, связанных со сменой владельца транспортного средства, является возможность индивидуализации и идентификации транспортного средства по представленным документам, поскольку объектом регистрации во всех случаях может быть только индивидуально определенное транспортное средство, существующее в натуре.

Согласно материалам дела на основании договора купли-продажи транспортного средства С. передан автомобиль.

С. обратился в регистрационное подразделение управления с заявлением о внесении изменений в регистрационные данные транспортного средства в связи со сменой владельца.

По результатам осмотра транспортного средства, проведенного с привлечением экспертно-криминалистического центра, установлено, что на дату проведения осмотра отсутствовали идентификационные номера транспортного средства и его основных компонентов. Дополнительная маркировка транспортного средства (дополнительная маркировка основных компонентов транспортного средства) в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, в целях идентификации автомобиля как автомобиля определенной марки при осуществлении регистрационных действий не наносилась.

Отсутствие идентификационной маркировки транспортного средства и его основных компонентов, представляющей собой комбинацию, присвоенную изготовителем, являющейся средством его индивидуализации и идентификации и позволяющей конкретизировать его среди имущества, имеющего такие же родовые признаки, сравнить с характеристиками, которые заявлены по документам, препятствовало совершению уполномоченным органом регистрационных действий.

С учетом этого решение уполномоченного органа об отказе в регистрации транспортного средства является правомерным.

*Определение № 5-КАД26-14-К2*

**37. Действия (бездействие) должностных лиц, связанные с задержанием транспортного средства, которые не оказали влияние на вывод о виновности либо невиновности лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, но повлекли нарушение его прав, могут быть обжалованы им в порядке административного судопроизводства.**

Ж. обратился в суд с административным иском о признании незаконными действий (бездействия) инспектора Госавтоинспекции Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по муниципальному городскому району (далее в этом пункте – инспектор), связанных с задержанием принадлежащего Ж. транспортного средства.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в принятии административного искового заявления Ж. отказано на основании пункта 1 части 1 статьи 128 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ). Суды сочли, что заявленные требования подлежат рассмотрению по правилам Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

Верховный Суд Российской Федерации отменил названные судебные акты, материал направил в суд первой инстанции для решения вопроса о принятии к производству административного иска Ж. с учетом следующего.

По общему правилу действие КАС РФ в силу его части 5 статьи 1 не распространяется на производство по делам об административных правонарушениях.

Вместе с тем КоАП РФ не предусмотрен порядок обжалования решений, действий (бездействия), которые являются неразрывно связанными с конкретным делом об административном правонарушении и не могут быть предметом самостоятельного обжалования. Доводы о недопустимости доказательства либо неправомерности применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении могут быть изложены в ходе рассмотрения дела либо в жалобе на постановление или решение по делу об административном правонарушении.

Действия (бездействие) должностных лиц, связанные с применением на основании части 1 статьи 27.1 КоАП РФ мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении (например, связанные с задержанием транспортного средства или его возвратом после устранения причины задержания), которые не могут оказать влияние на вывод о виновности либо невиновности лица, в отношении которого ведется производство по делу, но повлекшие нарушение прав и свобод участников производства по делу, могут быть обжалованы ими в порядке, предусмотренном КАС РФ<sup>7</sup>.

Инспектором составлены протоколы об административном правонарушении, предусмотренном частью 6 статьи 12.19 КоАП РФ, выразившемся в остановке автомобиля с последующей стоянкой на тротуаре, а также о задержании принадлежащего Ж. автомобиля. Вынесено постановление о привлечении Ж. к административной ответственности.

Вместе с тем в административном материале данных об оспаривании Ж. указанного постановления не содержалось. Следовательно, оспариваемые действия (бездействие) инспектора, связанные с задержанием транспортного средства, не могут повлиять на вывод о виновности Ж. в нарушении правил стоянки автомобиля.

Поскольку в рамках производства по делу об административном правонарушении вопрос о законности действий (бездействия) должностных лиц не проверялся, Ж. вправе оспорить действия (бездействие) инспектора, связанные с задержанием транспортного средства, при осуществлении

---

<sup>7</sup> Пункт 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

производства по делу об административном правонарушении в порядке, предусмотренном главой 22 КАС РФ.

При таких обстоятельствах предусмотренных пунктом 1 части 1 статьи 128 КАС РФ оснований для отказа Ж. в принятии административного искового заявления у суда не имелось.

*Определение № 78-КАД25-22-КЗ*

**38. Гражданство Российской Федерации, которое было приобретено лицом в упрощенном порядке в несовершеннолетнем возрасте, не может быть прекращено по мотиву совершения таким лицом преступления.**

С. в возрасте 14 лет был принят в гражданство Российской Федерации одновременно с матерью в упрощенном порядке на основании ее заявления в соответствии с частью 4 статьи 14 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (далее – Закон о гражданстве 2002 года).

Решением территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации гражданство Российской Федерации С. прекращено на основании подпункта «а» пункта 2 части 1 статьи 22 Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (далее – Закон о гражданстве 2023 года) в связи с совершением преступления.

Не согласившись с данным решением, С. обратился в суд с административным иском, в обоснование которого указал, что является гражданином Российской Федерации не только по принятию, но и по признанию в связи с вхождением Донецкой Народной Республики, на территории которой он родился, в состав Российской Федерации. Обращал внимание на устойчивую правовую связь с Россией и отсутствие гражданства другого государства.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении требований С. отказано. Суды исходили из того, что решение о прекращении гражданства Российской Федерации принято уполномоченным органом в связи с совершением С. преступления, входившего в перечень деяний, свидетельствующих о сообщении этим лицом при приобретении гражданства заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию Российской Федерации и российское законодательство.

Отменяя судебные акты и признавая незаконным оспариваемое решение о прекращении гражданства Российской Федерации, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указала следующее.

С учетом положений статей 15, 16, 21 и 24 Закона о гражданстве 2023 года гражданство Российской Федерации на основании подпункта «а» пункта 2 части 1 статьи 22 этого закона может быть прекращено только

в отношении лиц, которые приобрели его в результате приема в гражданство Российской Федерации и при его приобретении приняли на себя безусловное, четко выраженное обязательство соблюдать Конституцию Российской Федерации и российское законодательство, включая защищаемые уголовным законом ценности и установленные им запреты.

Аналогичные по содержанию нормы, регламентирующие порядок принятия лицом, приобретающим гражданство Российской Федерации, обязательства соблюдать Конституцию Российской Федерации и законодательство Российской Федерации, а также определяющие последствия сообщения заведомо ложных сведений в отношении такого обязательства, содержались в законодательстве, которое действовало на момент обращения матери С. с заявлением о принятии в гражданство Российской Федерации (статьи 11<sup>1</sup>, 13, 14, 22 Закона о гражданстве 2002 года).

Само по себе совершение преступления не образует самостоятельного основания прекращения гражданства, а имеет юридическое значение лишь как установленный федеральным законом признак, свидетельствующий о сообщении при приобретении гражданства заведомо ложных сведений в отношении вышеуказанного обязательства.

На день обращения матери административного истца с заявлением о приеме в гражданство Российской Федерации С. было 13 лет. В силу указания закона (часть 2 статьи 9, часть 1 статьи 24 Закона о гражданстве 2002 года, обусловленного возрастным критерием, такое обязательство в значении, придаваемом законодательством о гражданстве, С. не принимал. Следовательно, у административного ответчика отсутствовали основания для прекращения гражданства Российской Федерации данного лица.

*Определение № 4-КАД26-14-К1*

**39. Обеспечение перевода международного телефонного разговора лица, содержащегося под стражей, по общему правилу осуществляется администрацией следственного изолятора. Право на телефонный разговор не должно зависеть от самостоятельного привлечения переводчика заключенным или его родственниками.**

Иностранная гражданка Л., содержащаяся под стражей в следственном изоляторе Управления Федеральной службы исполнения наказаний по субъекту Российской Федерации (далее – следственный изолятор) в связи с расследованием уголовного дела, неоднократно обращалась к администрации указанного учреждения с ходатайством об организации для нее телефонного разговора с матерью на иностранном языке и 31 августа 2022 г. получила на это разрешение суда. Однако право на данный телефонный звонок не было реализовано по причине отсутствия переводчика.

Л. обратилась в суд с административным иском к следственному изолятору, Федеральной службе исполнения наказаний (далее – ФСИН

России), Управлению ФСИН России по субъекту Российской Федерации о признании действий (бездействия) уполномоченных лиц следственного изолятора незаконными, присуждении компенсации за длительное нарушение ее прав и законных интересов, условий ее содержания под стражей, выразившееся в создании препятствий в реализации права на телефонные переговоры с близкими родственниками, проживающими в иностранном государстве.

Решением суда первой инстанции административный иск удовлетворен частично: признано незаконным бездействие следственного изолятора, выразившееся в непредоставлении Л. информации о возможности осуществления международного телефонного звонка в период с 16 марта 2019 г. до конца мая 2022 г., в непредоставлении 29 июля 2022 г. возможности осуществления международного телефонного разговора на узбекском языке с приглашением переводчика, в уклонении от приглашения переводчика для осуществления Л. международного телефонного разговора на иностранном языке в период с 29 июля 2022 г. по 16 мая 2023 г. На следственный изолятор возложена обязанность устранить допущенное нарушение путем организации Л. международного телефонного звонка матери длительностью не менее 15 минут на иностранном языке с приглашением переводчика. С Российской Федерации в лице ФСИН России за счет средств казны Российской Федерации в пользу Л. взыскана компенсация за нарушение условий содержания в следственном изоляторе. В удовлетворении остальной части требований отказано.

Апелляционным определением, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение, которым в удовлетворении административного иска отказано.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное и кассационное определения, оставила в силе решение суда первой инстанции в части признания незаконными действий следственного изолятора, выразившихся в непредоставлении Л. информации о возможности осуществления международного телефонного разговора в период с 16 марта 2019 г. до конца мая 2022 г., в непредоставлении 29 июля 2022 г. возможности осуществления международного телефонного разговора на иностранном языке с приглашением переводчика, в уклонении от приглашения переводчика для осуществления Л. международного телефонного разговора на иностранном языке в период с 29 июля 2022 г. по 16 мая 2023 г. Судебная коллегия руководствовалась следующим.

Исходя из положений пункта 6 части 2 статьи 17 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», пунктов 197, 199 и 200 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 4 июля 2022 г. № 110, при наличии технической возможности

провести международный телефонный разговор и разрешения суда на администрацию следственного изолятора возложена обязанность по приглашению переводчика разговора на государственный язык Российской Федерации для реализации полномочий по контролю телефонных переговоров.

С учетом этого отказ административного ответчика в организации телефонного разговора Л. с родственниками при наличии технической возможности свидетельствует о недобросовестном исполнении следственным изолятором возложенных на него обязанностей и создает необоснованное препятствие для реализации административным истцом предоставленного ему законом права.

Следовательно, такие действия (бездействие) административного ответчика являются незаконными.

*Определение № 13-КАД26-1-К2*

**40. При решении вопроса о помещении несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа необходимо выяснять, имеются ли обстоятельства, подтверждающие возможность изменения поведения несовершеннолетнего без его помещения в указанное учреждение, а также соответствуют ли последствия содержания несовершеннолетнего в учреждении закрытого типа интересам его психического, физического и нравственного развития.**

Городской отдел Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – городской ОМВД России) обратился в суд к Б.Н., действующей в интересах несовершеннолетнего Б., с административным иском о помещении последнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (далее в этом пункте – учреждение закрытого типа, учреждение) сроком на 3 года, а также в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации на срок, необходимый для доставления его в учреждение.

Решением суда первой инстанции административный иск удовлетворен частично: Б. помещен в учреждение закрытого типа сроком на один год и направлен в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей на время, необходимое для его доставления в учреждение; срок пребывания в учреждении исчисляется со дня помещения в учреждение; в срок пребывания в учреждении засчитывается нахождение в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей.

Апелляционным определением, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя апелляционное и кассационное определения

и направляя дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, исходила из следующего.

В учреждение закрытого типа помещаются несовершеннолетние с девиантным (общественно опасным) поведением, нуждающиеся в особых условиях воспитания, обучения и требующие специального педагогического подхода (часть 9 статьи 22 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», подпункт 1 пункта 4 статьи 15 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2024 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в практике судов общей юрисдикции при рассмотрении административных дел, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органа внутренних дел, в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа (главы 31<sup>2</sup> и 31<sup>3</sup> Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации)»).

В силу статьи 285<sup>17</sup> КАС РФ при рассмотрении административного дела, связанного с пребыванием несовершеннолетнего в учреждении закрытого типа, суду в целях обеспечения наиболее благоприятных интересов несовершеннолетнего необходимо выяснить, имеются ли обстоятельства, подтверждающие возможность изменения поведения несовершеннолетнего без его помещения в учреждение закрытого типа, а также соответствуют ли последствия содержания несовершеннолетнего в учреждении закрытого типа интересам его психического, физического и нравственного развития.

Согласно материалам дела Б. систематически умышленно совершает правонарушения, в том числе являющиеся уголовно наказуемыми деяниями, поставлен на профилактический учет в подразделении по делам несовершеннолетних городского ОМВД России, имеет отрицательную характеристику с места учебы в общеобразовательной организации, контроль за его поведением со стороны родителей вследствие неисполнения (ненадлежащего исполнения) ими обязанностей по его воспитанию, обучению, эффективность ресоциализации и проведенной с Б. профилактической работы отсутствуют.

Уполномоченным по правам ребенка в субъекте Российской Федерации дано заключение об отсутствии результатов профилактических мероприятий и о необходимости применения к Б. специального педагогического подхода для целей коррекции отклонений в поведении и предотвращения совершения им антиобщественных действий и правонарушений, а также о целесообразности помещения его в учреждение закрытого типа.

Вместе с тем заключение по результатам проведенного медицинского освидетельствования несовершеннолетнего Б. не содержало выводов о необходимости его помещения в учреждение закрытого типа либо об

отсутствии такой необходимости и о наличии возможности для коррекции девиантного (общественно опасного) поведения иными методами.

При этом детские психиатр, невролог, нарколог в состав психолого-медико-педагогической комиссии по обследованию Б. не были включены, несмотря на то, что в материалах дела имелись сведения о нахождении Б. под диспансерным наблюдением указанных специалистов<sup>8</sup>. Таким образом, вывод о целесообразности дальнейшего проведения профилактической работы в отношении несовершеннолетнего Б. сделан судом апелляционной инстанции в отсутствие заключения детских психиатра, невролога и нарколога о наличии либо об отсутствии у него особенностей в физическом и (или) психическом развитии и (или) отклонений в поведении и о наличии либо об отсутствии необходимости создания условий для получения им образования, коррекции нарушений развития и социальной адаптации на основе специальных педагогических подходов. Кроме того, из материалов дела следует, что родители несовершеннолетнего Б. не занимают активной позиции относительно его социальной реабилитации, в том числе фактически не участвуют в организации его обучения, оздоровительного отдыха и досуга. В совокупности эти обстоятельства дают основания полагать, что девиантное поведение несовершеннолетнего обусловлено в том числе семейным неблагополучием.

С учетом этого суд апелляционной инстанции не обеспечил полноту исследования обстоятельств и оценки доказательств по делу, которые могли бы повлиять на выводы о возможности изменения поведения Б. без его помещения в учебное учреждение закрытого типа, и не рассмотрел доводы административного истца о том, что непринятие специальных воспитательных мер к несовершеннолетнему может повлечь неблагоприятные последствия как для самого несовершеннолетнего, так и для других лиц.

*Определение № 51-КАД25-5-К8*

**41. Арендатор земельного участка вправе оспорить нормативный акт, регулирующий арендные отношения, в случае если положения данного акта распространялись на период действия договора аренды.**

Общество обратилось в суд с административным исковым заявлением к законодательному собранию субъекта Российской Федерации, губернатору города о признании не действующей с момента принятия статьи 1 Закона субъекта Российской Федерации от 21 декабря 2022 г. (далее – закон субъекта Российской Федерации) в части, устанавливающей сокращенные сроки продления договоров аренды земельных участков для размещения нестационарных торговых объектов (далее – НТО) и периоды истечения сроков действия таких договоров по сравнению со сроками и периодами,

---

<sup>8</sup> В нарушение пункта 4 Положения о психолого-медико-педагогической комиссии, утвержденного приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 20 сентября 2013 г. № 1082 (действовавшим на момент возникновения спорных отношений).

предусмотренными постановлением Правительства Российской Федерации от 12 марта 2022 г. № 353 «Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации», в 2022 и 2023 годах.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в принятии административного искового заявления Общества отказано на основании пункта 3 части 1 статьи 128 КАС РФ. Суды сочли, что оспариваемое нормативное положение на договоры аренды земельных участков, заключенные между комитетом по управлению городским имуществом и Обществом, не распространяется, поскольку действие закона субъекта Российской Федерации начинается с 1 января 2023 г., тогда как дополнительные соглашения к договорам аренды заключены до этой даты, срок окончания аренды, определенный дополнительными соглашениями, находится за пределами срока, установленного данным законом.

Верховный Суд Российской Федерации отменил принятые судебные акты и направил административный материал в суд первой инстанции для решения вопроса о принятии к производству суда административного иска Общества с учетом следующего.

Законом субъекта Российской Федерации установлено, что без проведения торгов срок действия договоров аренды земельных участков, находящихся в государственной собственности субъекта Российской Федерации или государственная собственность на которые не разграничена, арендодателем которых является субъект Российской Федерации, предоставленных для размещения НТО, договоров на размещение НТО на землях и земельных участках, находящихся в государственной собственности субъекта Российской Федерации или государственная собственность на которые не разграничена, сроки действия которых истекают в период с 14 марта 2022 г. по 31 декабря 2023 г., продлевается на срок до 2 лет в порядке, предусмотренном данным законом.

Частью 1 статьи 208 КАС РФ установлено, что с административным иском заявлением о признании нормативного правового акта не действующим полностью или в части вправе обратиться лица, в отношении которых применен этот акт, а также лица, которые являются субъектами отношений, регулируемых оспариваемым нормативным правовым актом, если они полагают, что этим актом нарушены или нарушаются их права, свободы и законные интересы.

Общество является владельцем НТО, расположенных на территории субъекта Российской Федерации, заключило с комитетом по управлению городским имуществом субъекта Российской Федерации договоры аренды земельных участков для размещения НТО. Дополнительными соглашениями срок действия каждого из них продлен до 30 сентября 2026 г. Следовательно, административный истец – субъект отношений, регулируемых оспариваемым им в части нормативным правовым актом.

При таких обстоятельствах вывод судов о наличии оснований, предусмотренных пунктом 3 части 1 статьи 128 КАС РФ для отказа в принятии административного искового заявления Общества, является неправомерным.

*Определение № 78-КАД26-1-К3*

### **Споры, связанные с применением законодательства об административных правонарушениях**

**42. Непредъявление водителем уполномоченному должностному лицу страхового полиса, оформленного в виде электронного документа, не образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 12.3 КоАП РФ.**

Постановлением должностного лица административного органа, оставленным без изменения судебными актами, Л. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 12.3 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

В соответствии с частью 2 статьи 12.3 КоАП РФ (цитируемые нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения Л. к административной ответственности) управление транспортным средством водителем, не имеющим при себе документов на право управления им, страхового полиса обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортного средства, за исключением случая, предусмотренного частью 2 статьи 12.37 названного кодекса, а в случаях, предусмотренных законодательством, путевого листа или товарно-транспортных документов, влечет назначение административного наказания.

Основанием для привлечения Л. к административной ответственности послужило то, что он управлял транспортным средством, не имея при себе страхового полиса обязательного страхования гражданской ответственности (далее также – ОСАГО).

Вместе с тем указанные выводы в ходе производства по делу не нашли своего подтверждения. Установлено, что Л. не передал страховой полис ОСАГО при проверке документов в связи с тем, что он оформлен в электронном виде.

В пункте 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» разъяснено, что частью 2 статьи 12.3 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность в том числе за управление транспортным средством водителем, не имеющим при себе страхового полиса обязательного

страхования гражданской ответственности владельцев транспортного средства.

По данной норме действия водителя подлежат квалификации в тех случаях, когда владелец транспортного средства выполнил установленную законом обязанность по страхованию своей гражданской ответственности и в качестве документа, удостоверяющего осуществление обязательного страхования, ему был выдан страховой полис на бланке (пункт 7 статьи 15 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»), однако на момент проведения проверки у водителя при себе такой страховой полис отсутствовал. Если страховой полис был оформлен в виде электронного документа, непредъявление его водителем уполномоченному должностному лицу не образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 12.3 КоАП РФ.

Следовательно, в действиях Л., у которого имелся действующий страховой полис, оформленный в виде электронного документа, отсутствовал состав административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 12.3 КоАП РФ.

Кроме того, в протоколе об административном правонарушении и постановлении должностного лица указано на то, что Л. нарушил требования пункта 2.1.1 Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 (далее – Правила дорожного движения).

Вместе с тем обязанность представить по требованию сотрудников полиции, уполномоченных на то в соответствии с законодательством Российской Федерации, для проверки страховой полис обязательного страхования гражданской ответственности владельца транспортного средства в случаях, когда обязанность по страхованию своей гражданской ответственности установлена Федеральным законом от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», установлена пунктом 2.1.1<sup>1</sup> Правил дорожного движения.

При таких обстоятельствах состоявшиеся по делу акты отменены, производство по делу об административном правонарушении прекращено на основании пункта 2 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ.

*Постановление № 45-АД26-7-К7*

**43. При рассмотрении дела об административном правонарушении, выражающемся в несоблюдении требований, предписанных дорожными знаками, запрещающими остановку или стоянку транспортных средств, следует учитывать, что съезд на прилегающую к дороге территорию не прерывает действия дорожного знака 3.27 «Остановка запрещена».**

Постановлением должностного лица административного органа, оставленным без изменения решением судьи районного суда, К. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 5 статьи 12.16 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

Постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции постановление должностного лица административного органа, решение судьи районного суда оставлены без изменения.

Частью 4 статьи 12.16 КоАП РФ установлена административная ответственность за несоблюдение требований, предписанных дорожными знаками или разметкой проезжей части дороги, запрещающими остановку или стоянку транспортных средств, за исключением случая, предусмотренного частью 5 данной статьи.

В соответствии с частью 5 статьи 12.16 КоАП РФ нарушение, предусмотренное частью 4 этой статьи, совершенное в городе федерального значения Москве или Санкт-Петербурге, влечет наложение административного штрафа.

Работающим в автоматическом режиме специальным техническим средством зафиксирована остановка транспортного средства в зоне действия дорожного знака 3.27 «Остановка запрещена» приложения 1 к Правилам дорожного движения (далее – знак 3.27). В порядке части 1 статьи 2.6<sup>1</sup> КоАП РФ к административной ответственности, предусмотренной частью 5 статьи 12.16 КоАП РФ, привлечен собственник транспортного средства – К.

Доводы К. о том, что, поскольку после установленного дорожного знака 3.27, нарушение которого ему вменено, имеется перекресток согласно нанесенной дорожной разметке 1.7 приложения 2 к Правилам дорожного движения (далее – разметка 1.7), в связи с чем действие знака 3.27 прерывается и не распространяется на место остановки транспортного средства, признаны необоснованными.

Правилами дорожного движения предусмотрено, что выезды с прилегающих территорий не считаются перекрестками. Зона действия знака 3.27 распространяется от места установки знака до ближайшего перекрестка за ним. Действие данного знака не прерывается, в частности, в местах выезда с прилегающих к дороге территорий.

В ходе производства по делу установлено, что разметка 1.7 нанесена в месте для въезда на территорию / выезда с территории, которая непосредственно примыкала к дороге, не предназначалась для сквозного движения транспортных средств и являлась прилегающей.

Действие установленного дорожного знака 3.27 не прерывалось, а нанесение в месте въезда на прилегающую к дороге территорию и выезда с нее разметки 1.7, исходя из системного толкования положений Правил дорожного движения, не наделяло это место статусом перекрестка по смыслу, придаваемому данному понятию пунктом 1.2 Правил дорожного движения.

С учетом изложенных обстоятельств вынесенные по делу акты оставлены без изменения.

*Постановление № 78-АД26-9-КЗ*

**44. Собственник транспортного средства, передавший его по договору аренды юридическому лицу, учредителем и директором которого он является, не подлежит освобождению от административной ответственности, предусмотренной частью 2 статьи 12.21<sup>1</sup> КоАП РФ.**

Постановлением должностного лица административного органа, оставленным без изменения судебными актами, С. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 12.21<sup>1</sup> КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

В соответствии с частью 2 статьи 12.21<sup>1</sup> КоАП РФ (цитируемые нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения С. к административной ответственности) движение тяжеловесного и (или) крупногабаритного транспортного средства с превышением допустимой нагрузки на ось транспортного средства на величину более 10, но не более 20 процентов без специального разрешения влечет назначение административного наказания.

Пользователям автомобильными дорогами запрещено осуществлять движение по автомобильным дорогам, в частности, на тяжеловесных транспортных средствах, нагрузка на ось которых более чем на 10 процентов превышает допустимую нагрузку на ось (пункт 2 части 1 статьи 29 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 257-ФЗ).

В ходе производства по делу установлено, что тяжеловесное транспортное средство в нарушение требований части 1 статьи 29 Федерального закона № 257-ФЗ двигалось без специального разрешения с превышением допустимой нагрузки на 4, 5 и 6 осях транспортного средства на 12,71 %, 10,88 % и 13,22 %, то есть с превышением допустимой нагрузки на оси транспортного средства на величину более 10, но не более 20 процентов.

Факт совершения административного правонарушения зафиксирован специальным техническим средством, работающим в автоматическом режиме и имеющим функции фотосъемки, в связи с чем в порядке части 1 статьи 2.6<sup>1</sup> КоАП РФ к административной ответственности привлечен собственник транспортного средства С.

Доводы С. и его защитника о необоснованном привлечении С. к административной ответственности ввиду передачи принадлежащего ему на праве собственности транспортного средства по договору аренды

в пользование юридического лица (далее в этом пункте – Общество) признаны несостоятельными.

Арендодателем транспортного средства по договору аренды является С., арендатором – Общество в лице его директора С., по акту приема-передачи С. передал принадлежащее ему транспортное средство Обществу в своем же лице. Учредителем Общества также является С.

Исходя из условий договора аренды, а также платежных документов внесение арендной платы производилось С. как директором Общества самому себе как арендодателю.

Указанные обстоятельства свидетельствовали об аффилированности сторон договора аренды и недоказанности выбытия из фактического владения С. принадлежащего ему транспортного средства.

Водитель Н., который управлял транспортным средством в момент фиксации противоправного деяния, состоял в трудовых отношениях с работодателем Общества в лице директора С.

По смыслу части 2 статьи 2.6<sup>1</sup> КоАП РФ нахождение принадлежащего собственнику (владельцу) транспортного средства в момент совершения административного правонарушения в области дорожного движения во владении или в пользовании другого лица как основание освобождения собственника (владельца) от административной ответственности за это правонарушение не распространяется на случаи управления транспортным средством водителем по трудовому договору, заключенному между ним и собственником (владельцем) транспортного средства (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2019 г. № 5-П).

При изложенных обстоятельствах оснований для отмены или изменения состоявшихся по делу актов не установлено.

*Постановление № 67-АД26-5-К8*

**45. Осуществление сельскохозяйственным производственным кооперативом деятельности по предоставлению займов физическим лицам на бытовые цели, а не на развитие личного подсобного хозяйства образует состав административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 14.56 КоАП РФ.**

Судебными актами Ж. – председатель сельскохозяйственного производственного кооператива (далее – СПК, коопхоз) признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 14.56 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

Частью 1 статьи 14.56 КоАП РФ установлена административная ответственность за осуществление предусмотренной законодательством о потребительском кредите (займе) деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов), в том числе обязательства заемщика по которым обеспечены ипотекой, юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями, не имеющими права

на ее осуществление.

Профессиональная деятельность по предоставлению потребительских займов – деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя по предоставлению потребительских займов в денежной форме (кроме займов, предоставляемых работодателем работнику, займов, предоставляемых физическим лицам, являющимся учредителями (участниками) или аффилированными лицами коммерческой организации, предоставляющей заем, займов, предоставляемых брокером клиенту для совершения сделок купли-продажи ценных бумаг, и иных случаев, предусмотренных федеральным законом) (пункт 5 части 1 статьи 3 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (далее – Федеральный закон № 353-ФЗ).

В соответствии со статьей 4 Федерального закона № 353-ФЗ профессиональная деятельность по предоставлению потребительских займов осуществляется кредитными организациями, а также некредитными финансовыми организациями в случаях, определенных федеральными законами об их деятельности.

Законодателем определен исчерпывающий круг субъектов, имеющих право осуществлять профессиональную деятельность по предоставлению потребительских кредитов (займов) (статья 3 Федерального закона от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях», статья 4 Федерального закона от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ «О кредитной кооперации», статья 2 Федерального закона от 19 июля 2007 г. № 196-ФЗ «О ломбардах», пункт 15 статьи 40<sup>1</sup> Федерального закона от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации»).

В ходе производства по делу установлено, что Ж., являясь председателем СПК, осуществлял деятельность по предоставлению займов физическим лицам при отсутствии права на осуществление профессиональной деятельности по предоставлению потребительских займов.

Доводы Ж. о том, что деятельность коопхоза носила законный характер, поскольку займы предоставлялись своим участникам (ассоциированным членам СПК), и подпадает под критерии исключения, приведенного в пункте 5 части 1 статьи 3 Федерального закона № 353-ФЗ, признаны необоснованными.

Согласно статье 1 Федерального закона от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» сельскохозяйственный кооператив создается в форме СПК или сельскохозяйственного потребительского кооператива сельскохозяйственными товаропроизводителями и (или) ведущими личные подсобные хозяйства гражданами на основе добровольного членства для совместной производственной или иной хозяйственной деятельности, основанной на объединении их имущественных паевых взносов в целях удовлетворения материальных и иных потребностей членов кооператива.

Между тем доказательства, подтверждающие, что СПК осуществлялась

какая-либо производственная или иная хозяйственная деятельность, в том числе в соответствии с целями, изложенными в уставе, и что физические лица в количестве 34 человек, с которыми СПК в лице его председателя Ж. заключил договоры займа на развитие личного подсобного хозяйства заемщика, являлись сельскохозяйственными товаропроизводителями и (или) вели личные подсобные хозяйства на основе добровольного членства для совместной производственной или иной хозяйственной деятельности, основанной на объединении их имущественных паевых взносов в целях удовлетворения материальных и иных потребностей членов кооператива, и каким-либо образом участвовали в деятельности СПК, отсутствовали.

Физические лица, которым были предоставлены займы, пояснили, что кредиты ими оформлялись на бытовые цели, а не на развитие личного подсобного хозяйства.

При таких обстоятельствах судьи пришли к обоснованным выводам о том, что организационно-правовая форма СПК в виде коопхоза избрана и использована Ж. в качестве прикрытия фактически осуществляемой им профессиональной деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) физическим лицам при отсутствии права на осуществление такой деятельности.

С учетом этого оснований для отмены или изменения состоявшихся по делу судебных актов не установлено.

*Постановление № 85-АД26-2-К1*

**46. Невыполнение законного требования сотрудника полиции передать водительское удостоверение и регистрационные документы на транспортное средство, необходимые для составления протокола об административном правонарушении, образует состав административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 19.3 КоАП РФ.**

Судебными актами водитель признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 19.3 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

В соответствии с частью 1 статьи 19.3 КоАП РФ неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции, военнослужащего либо сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы либо сотрудника войск национальной гвардии Российской Федерации в связи с исполнением ими обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а равно воспрепятствование исполнению ими служебных обязанностей влечет назначение административного наказания.

Согласно пункту 20 части 1 статьи 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» полиции для выполнения возложенных на нее обязанностей предоставляется право останавливать транспортные средства, если это необходимо для выполнения обязанностей

по обеспечению безопасности дорожного движения, проверять документы на право пользования и управления ими, документы на транспортные средства и перевозимые грузы, наличие страхового полиса обязательного страхования гражданской ответственности владельца транспортного средства.

Частями 3, 4 статьи 30 указанного закона установлено, что законные требования сотрудника полиции обязательны для выполнения гражданами и должностными лицами. Воспрепятствование выполнению сотрудником полиции служебных обязанностей, оскорбление сотрудника полиции, оказание ему сопротивления, насилие или угроза применения насилия по отношению к сотруднику полиции в связи с выполнением им служебных обязанностей либо невыполнение законных требований сотрудника полиции влечет ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации.

В ходе производства по делу установлено, что водитель транспортного средства не выполнил законное требование сотрудника полиции передать документы – водительское удостоверение, свидетельство о регистрации транспортного средства, тем самым воспрепятствовал составлению протокола об административном правонарушении, то есть выполнению сотрудниками полиции служебных обязанностей.

Доводы, приведенные в жалобе водителя, о том, что судьями не выяснено, являлись ли требования сотрудника полиции законными и какое требование не было выполнено, отклонены.

Оценив доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела в их совокупности, судья не нашел оснований для вывода о том, что требование сотрудника полиции было незаконным.

При изложенных обстоятельствах оснований для отмены или изменения состоявшихся по делу судебных актов не установлено.

*Постановление № 80-АД26-2-К6*

**47. Возложение органом местного самоуправления на муниципальное казенное учреждение функций по обеспечению мер пожарной безопасности не исключает обязанности указанного органа по выполнению требований Правил противопожарного режима в Российской Федерации и привлечения к административной ответственности за их нарушение (часть 1 статьи 20.4 КоАП РФ), в том числе вследствие ненадлежащего контроля за деятельностью названного учреждения.**

Постановлением должностного лица административного органа орган местного самоуправления (далее в этом пункте – администрация) признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 20.4 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию. В адрес администрации внесено

представление об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения, в порядке статьи 29.13 КоАП РФ.

Судебными актами постановление и представление должностного лица оставлены без изменения.

В соответствии с частью 1 статьи 20.4 КоАП РФ (цитируемые нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения администрации к административной ответственности) нарушение требований пожарной безопасности, за исключением случаев, предусмотренных статьями 8.32 и 11.16 и частями 6, 6<sup>1</sup> и 7 статьи 20.4 КоАП РФ, влечет назначение административного наказания.

В силу пункта 67 Правил противопожарного режима в Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 16 сентября 2020 г. № 1479 (далее – Правила противопожарного режима), правообладатели земельных участков (собственники земельных участков, землепользователи, землевладельцы и арендаторы земельных участков), расположенных в границах населенных пунктов и на территориях общего пользования вне границ населенных пунктов, и правообладатели территорий ведения гражданами садоводства или огородничества для собственных нужд обязаны производить своевременную уборку мусора, сухой растительности и покос травы.

Основанием для привлечения администрации к административной ответственности, предусмотренной частью 1 статьи 20.4 КоАП РФ, послужили выводы о том, что в нарушение требований пункта 67 Правил противопожарного режима на земельных участках, правообладателем которых является администрация, не произведен покос травы.

Доводы администрации о том, что она не является субъектом вмененного административного правонарушения, признаны необоснованными.

Согласно статье 19 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» (далее – Закон № 69-ФЗ), пункту 10 части 1 статьи 16 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к полномочиям органов местного самоуправления поселений, муниципальных, городских округов, внутригородских районов относится обеспечение первичных мер пожарной безопасности в границах населенных пунктов.

В силу статьи 1 Закона № 69-ФЗ первичными мерами пожарной безопасности признается реализация принятых в установленном порядке норм и правил по предотвращению пожаров, спасению людей и имущества от пожаров.

Возложение на муниципальное казенное учреждение функций по обеспечению первичных мер пожарной безопасности на территории городского округа не исключает обязанности администрации как органа

местного самоуправления, являющегося правообладателем земельных участков, по выполнению требований Правил противопожарного режима и привлечения к ответственности за их нарушение, в том числе вследствие ненадлежащего контроля за деятельностью учреждения.

Факт того, что администрация ранее привлекалась к административной ответственности по части 1 статьи 20.4 КоАП РФ, не исключает возможности последующего привлечения к административной ответственности за аналогичное нарушение в случае невыполнения ею после вынесения постановления о назначении административного наказания тех же требований закона или ненадлежащего их выполнения.

При изложенных обстоятельствах оснований для отмены или изменения состоявшихся по делу актов не установлено.

*Постановление № 71-АД26-1-КЗ*

**48. Особый порядок привлечения к административной ответственности за административные правонарушения в области дорожного движения (статья 2.6<sup>1</sup>, часть 3 статьи 28.6 КоАП РФ) применяется исключительно при их фиксации специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме.**

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда, Ф. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 4 статьи 12.15 КоАП РФ, с назначением административного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами.

Постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции судебные акты изменены, из них исключено указание на наличие обстоятельства, отягчающего административную ответственность, – повторное совершение Ф. однородного административного правонарушения. В остальной части указанные акты оставлены без изменения.

В соответствии с частью 4 статьи 12.15 КоАП РФ выезд в нарушение Правил дорожного движения на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления, за исключением случаев, предусмотренных частью 3 этой статьи, влечет наложение административного штрафа или лишение права управления транспортными средствами.

В соответствии с пунктом 1.3 Правил дорожного движения участники дорожного движения обязаны знать и соблюдать относящиеся к ним требования этих правил, сигналов светофоров, знаков и разметки, а также выполнять распоряжения регулировщиков, действующих в пределах предоставленных им прав и регулирующих дорожное движение установленными сигналами.

Горизонтальная разметка 1.1 приложения 2 к Правилам дорожного движения (далее – разметка 1.1, линия 1.1): разделяет транспортные потоки противоположных направлений и обозначает границы полос движения

в опасных местах на дорогах; обозначает границы стояночных мест транспортных средств. Линию 1.1 пересекать запрещается.

Дорожный знак 3.20 «Обгон запрещен» приложения 1 к Правилам дорожного движения (далее – знак 3.20) запрещает обгон всех транспортных средств, кроме тихоходных транспортных средств, гужевых повозок, велосипедов, мопедов и двухколесных мотоциклов без бокового прицепа.

Пунктом 9.1<sup>1</sup> Правил дорожного движения установлено, что на любых дорогах с двусторонним движением запрещается движение по полосе, предназначенной для встречного движения, если она отделена разметкой 1.1.

Основанием для привлечения Ф. к административной ответственности послужили выводы о том, что он в нарушение требований пунктов 1.3, 9.1<sup>1</sup> Правил дорожного движения, разметки 1.1 и знака 3.20 осуществил обгон транспортного средства с выездом на полосу дороги, предназначенную для встречного движения.

Доводы, приведенные в жалобе защитника Ф., о том, что противоправное деяние было зафиксировано техническим средством видеозаписи, работающим в автоматическом режиме, в связи с чем Ф. должно было быть назначено административное наказание в виде административного штрафа, признаны необоснованными.

Статьей 2.6<sup>1</sup>, частью 3 статьи 28.6 КоАП РФ установлен особый порядок привлечения к административной ответственности за административные правонарушения в области дорожного движения при их фиксации работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, либо работающими в автоматическом режиме средствами фото- и киносъемки, видеозаписи. В указанных случаях протокол об административном правонарушении не составляется, постановление по делу об административном правонарушении выносится без участия собственника (владельца) транспортного средства и оформляется в порядке, предусмотренном статьей 29.10 КоАП РФ.

Согласно ответу должностного лица административного органа видеочамера, установленная на маршруте патрулирования, с помощью которой зафиксировано административное правонарушение, совершенное Ф., не является работающей в автоматическом режиме.

Дело об административном правонарушении возбуждено в соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 28.1 КоАП РФ, рассмотрено мировым судьей в общем порядке, в связи с чем назначенное административное наказание в виде лишения права управления транспортными средствами согласуется с санкцией части 4 статьи 12.15 названного кодекса.

При изложенных обстоятельствах оснований для отмены или изменения состоявшихся по делу судебных актов не установлено.

*Постановление № 5-АД26-20-К2*

**49. Защитник, допущенный к участию в производстве по делу об административном правонарушении, вправе обжаловать постановление, вынесенное по такому делу.**

Постановлением должностного лица административного органа, оставленным без изменения вышестоящим должностным лицом, Г. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 3<sup>1</sup> статьи 12.5 КоАП РФ, ему назначено административное наказание в виде административного штрафа.

Не согласившись с вынесенными в отношении Г. постановлением и решением должностных лиц, его защитник К. обратился с жалобой в городской суд.

Определением судьи городского суда, оставленным без изменения решением судьи суда субъекта Российской Федерации и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, жалоба К. оставлена без рассмотрения и возвращена заявителю.

Судья городского суда указал на отсутствие у К. должным образом оформленной доверенности, предоставляющей ему право на обжалование постановления и решения должностных лиц по делу об административном правонарушении.

В соответствии с частями 1, 5 статьи 25.5 КоАП РФ для оказания юридической помощи лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, в производстве по делу об административном правонарушении может участвовать защитник, а для оказания юридической помощи потерпевшему – представитель.

Защитник и представитель, допущенные к участию в производстве по делу об административном правонарушении, вправе знакомиться со всеми материалами дела, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, участвовать в рассмотрении дела, обжаловать применение мер обеспечения производства по делу, постановление по делу, пользоваться иными процессуальными правами в соответствии с названным кодексом.

Из буквального содержания части 5 статьи 25.5 КоАП РФ следует, что защитник, допущенный к участию в производстве по делу об административном правонарушении, вправе обжаловать постановление по делу. Статьей 30.1 КоАП РФ защитник отнесен к числу лиц, имеющих право обжалования постановления по делу об административном правонарушении.

К. был допущен к участию в производстве по делу об административном правонарушении в качестве защитника вышестоящим должностным лицом административного органа.

Следовательно, он имел полномочия обжаловать постановление и решение должностных лиц, состоявшиеся по делу об административном правонарушении в отношении Г.

При таких обстоятельствах жалоба защитника К. неправомерно оставлена судьей городского суда без рассмотрения.

Указанное существенное нарушение предусмотренных КоАП РФ процессуальных требований послужило основанием для возвращения дела на новое рассмотрение в городской суд.

*Постановление № 12-АД26-2-К6*

**50. Физическое лицо, чьи права нарушены действиями (бездействием) финансового управляющего, признается потерпевшим и наделяется правом обжалования решения арбитражного суда по делу об административном правонарушении, вынесенного в отношении финансового управляющего.**

А., признанный несостоятельным (банкротом), обратился в административный орган с жалобой на действия (бездействие) финансового управляющего Л. По его жалобе проведена проверка, в ходе которой в деятельности Л. установлены нарушения Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», что послужило основанием для составления протокола об административном правонарушении и обращения административного органа в арбитражный суд с заявлением о привлечении финансового управляющего Л. к административной ответственности по части 3<sup>1</sup> статьи 14.13 КоАП РФ.

Решением арбитражного суда субъекта Российской Федерации в удовлетворении заявления административного органа о привлечении Л. к административной ответственности отказано в связи с применением положений статьи 2.9 КоАП РФ ввиду малозначительности совершенного административного правонарушения.

А. обратился в арбитражный апелляционный суд с апелляционной жалобой на указанное решение.

Определением арбитражного апелляционного суда, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, производство по апелляционной жалобе А. прекращено.

Прекращая производство по апелляционной жалобе А., поданной в порядке статьи 42 АПК РФ, суд апелляционной инстанции исходил из того, что решение суда первой инстанции не содержит выводов о его правах и об обязанностях, возбуждение дела об административном правонарушении в отношении финансового управляющего Л. на основании фактов, изложенных в жалобе А., направленной в административный орган, не свидетельствует о наличии у него самостоятельного материально-правового интереса в деле, сама по себе заинтересованность заявителя в исходе дела не предоставляет ему права на обжалование принятого по делу судебного акта, следовательно, он не может быть признан лицом, имеющим право обжаловать решение суда первой инстанции в порядке, предусмотренном статьей 42 АПК РФ.

Арбитражный суд округа в постановлении согласился с выводами суда апелляционной инстанции и указал на то, что для возникновения права на обжалование судебных актов у лиц, не привлеченных к участию в деле, необходимо, чтобы оспариваемые судебные акты не просто затрагивали права и обязанности указанных лиц, а были приняты непосредственно о правах и об обязанностях этих лиц.

Между тем судами не учтено следующее.

Частью 1 статьи 202 АПК РФ предусмотрено, что дела о привлечении к административной ответственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в связи с осуществлением ими предпринимательской и иной экономической деятельности, отнесенные федеральным законом к подведомственности арбитражных судов, рассматриваются по общим правилам искового производства, предусмотренным этим кодексом, с особенностями, установленными в главе 25 АПК РФ и федеральном законе об административных правонарушениях.

Право на обжалование постановления по делу об административном правонарушении в соответствии с частью 1 статьи 30.1 КоАП РФ предоставлено лицам, указанным в статьях 25.1–25.5 данного кодекса, в том числе потерпевшему.

В соответствии с частью 1 статьи 25.2 КоАП РФ потерпевшим является физическое лицо или юридическое лицо, которым административным правонарушением причинен физический, имущественный или моральный вред.

Право потерпевшего на участие в деле об административном правонарушении должно быть обеспечено независимо от того, является ли наступление последствий признаком состава административного правонарушения (пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»).

А., являясь лицом, обратившимся в административный орган с указанием на нарушение финансовым управляющим Л. его прав и на наличие события административного правонарушения, наделен в силу статьи 25.2 КоАП РФ правами потерпевшего, в том числе в соответствии с частью 1 статьи 30.1 и частью 1 статьи 30.12 КоАП РФ – правом обжалования состоявшихся по делу судебных актов независимо от его участия в рассмотрении дела судом первой инстанции.

Лицо, признанное потерпевшим в соответствии со статьями 25.2 и 28.2 КоАП РФ, вправе обратиться в суд с заявлением об оспаривании постановления административного органа по делу об административном правонарушении, совершенном юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, в порядке, предусмотренном нормами параграфа 2 главы 25 АПК РФ, поскольку указанное постановление затрагивает его права и законные интересы; при рассмотрении дел об административных правонарушениях потерпевший извещается о времени и месте судебного

заседания; процессуальное положение и права потерпевшего определены КоАП РФ (пункт 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 г. № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях»).

Такой подход предполагает возможность участия потерпевшего не только в делах о пересмотре арбитражными судами решений административных органов о привлечении к административной ответственности, но и в рассмотрении этими судами дел об административных правонарушениях.

С учетом изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации сочла, что выводы судов апелляционной и кассационной инстанций о том, что А. не относится к лицам, наделенным правом на обжалование судебного акта по делу в порядке апелляционного производства, являются ошибочными.

При таких обстоятельствах определение арбитражного апелляционного суда и постановление арбитражного суда округа отменены, дело направлено для рассмотрения в суд апелляционной инстанции.

*Определение № 305-АФ26-337*

## **СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ**

**51. Активное способствование раскрытию и расследованию совершенного преступления, а также добровольное возмещение ущерба, причиненного в результате преступления, подлежат учету в качестве обстоятельств, смягчающих наказание, совокупность которых суд вправе признать основанием для применения статьи 64 УК РФ.**

По приговору Читинского гарнизонного военного суда от 5 августа 2024 г., оставленному без изменения апелляционным постановлением 2-го Восточного окружного военного суда от 2 октября 2024 г., Ш. осужден по части 1 статьи 222 УК РФ к лишению свободы на срок 3 года со штрафом в размере 30 000 рублей и по части 2 статьи 258 УК РФ к лишению свободы на срок 3 года 6 месяцев с лишением права заниматься деятельностью, связанной с охотой, на срок 2 года, а по совокупности преступлений в соответствии с частью 2 статьи 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний – к 4 годам лишения свободы в колонии-поселении со штрафом в размере 30 000 рублей и с лишением права заниматься деятельностью, связанной с охотой, на срок 2 года.

Суд удовлетворил гражданский иск министерства природных ресурсов Забайкальского края, и с Ш. в пользу истца в счет возмещения причиненного ущерба взыскано 470 502 рубля 54 копейки.

Кассационным определением кассационного военного суда от 14 февраля 2025 г. приговор и апелляционное постановление

в отношении Ш. изменены, окончательное наказание назначено в соответствии с частью 2 статьи 69 УК РФ путем поглощения менее строгого наказания более строгим в виде лишения свободы на срок 3 года 6 месяцев.

В остальном судебные решения оставлены без изменения.

Ш. осужден за незаконные хранение, перевозку и ношение огнестрельного оружия, совершенные в период с 10 мая 2013 г. по 17 декабря 2023 г., а также за незаконную охоту 16 декабря 2023 г. на зверей (дзверенов), охота на которых полностью запрещена, с причинением особо крупного ущерба.

Рассмотрев дело по ходатайству Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации приговор, апелляционное постановление и кассационное определение в отношении Ш. в части назначенного наказания изменила, указав в обоснование следующее.

По делу установлено, что Ш. характеризуется положительно, является участником специальной военной операции, ветераном боевых действий, получившим ранение, повлекшее инвалидность. Он полностью признал свою вину, раскаялся в содеянном, дал подробные признательные показания, способствовал раскрытию и расследованию преступлений, добровольно и в полном размере возместил причиненный в результате преступления ущерб, в подтверждение чего суду апелляционной инстанции до вступления приговора в законную силу был представлен чек-ордер от 18 сентября 2024 г.

Однако последнее из названных обстоятельств в качестве смягчающего наказание судами апелляционной и кассационной инстанций во внимание принято не было и не учитывалось при оценке справедливости назначенного осужденному наказания.

Кроме того, имелись основания и для признания смягчающим наказание осужденного обстоятельством его активное способствование раскрытию и расследованию преступлений, поскольку обстоятельства, связанные с хранением, перевозкой и ношением огнестрельного оружия, а также незаконной охотой, органам следствия стали известны от самого Ш. и именно его показания в этой части и протоколы следственных действий с его участием положены в основу обвинительного приговора.

В связи с изложенным Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации признала в качестве обстоятельств, смягчающих наказание Ш., активное способствование раскрытию и расследованию каждого из совершенных им преступлений, а также добровольное и полное возмещение ущерба, причиненного в результате преступления, предусмотренного частью 2 статьи 258 УК РФ.

Каких-либо отягчающих наказание Ш. обстоятельств не имеется, он характеризуется только с положительной стороны, имеет на иждивении троих несовершеннолетних детей.

Принимая во внимание сведения, положительно характеризующие осужденного, и обстоятельства, смягчающие его наказание, признавая

их в совокупности исключительными, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации смягчила с применением статьи 64 УК РФ назначенное III. по части 1 статьи 222 УК РФ наказание до 1 года 6 месяцев лишения свободы, по части 2 статьи 258 УК РФ – до 2 лет лишения свободы, по совокупности преступлений на основании части 2 статьи 69 УК РФ путем поглощения менее строгого наказания более строгим, определив окончательное наказание в виде лишения свободы на срок 2 года в колонии-поселении со штрафом в размере 30 000 рублей с лишением права заниматься деятельностью, связанной с охотой, на срок 2 года.

*Определение № 226-УД26-5-К10*

### **РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ**

**ВОПРОС.** Каков порядок назначения административного наказания в случае совершения лицом двух и более административных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена одной и той же статьей (частью статьи) раздела II Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях либо закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, выявленных при осуществлении постоянного рейда?

**ОТВЕТ.** Порядок назначения административных наказаний за совершение нескольких административных правонарушений определяется статьей 4.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

В соответствии с частью 1 статьи 4.4 КоАП РФ при совершении лицом двух и более административных правонарушений административное наказание назначается за каждое совершенное административное правонарушение, за исключением случаев, предусмотренных частями 5 и 6 этой статьи.

Если при проведении одного контрольного (надзорного) мероприятия в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля выявлены два и более административных правонарушения, ответственность за которые предусмотрена одной и той же статьей (частью статьи) раздела II КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, совершившему их лицу назначается административное наказание как за совершение одного административного правонарушения (часть 5 статьи 4.4 КоАП РФ).

Таким образом, исходя из буквального толкования данной нормы законодатель связывает применение ее положений исключительно с выявлением фактов нарушений в рамках проведения контрольных (надзорных) мероприятий.

Виды контрольных (надзорных) мероприятий перечислены в статье 56 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 248-ФЗ). К ним отнесены контрольная закупка, мониторинговая закупка, выборочный контроль, инспекционный визит, рейдовый осмотр, документарная проверка, выездная проверка, наблюдение за соблюдением обязательных требований, выездное обследование.

Одновременно с этим часть 4 указанной статьи допускает, что помимо контрольных (надзорных) мероприятий указанным федеральным законом могут быть предусмотрены иные способы оценки соблюдения контролируемые лицами обязательных требований.

Так, главой 18 Федерального закона № 248-ФЗ предусмотрены специальные режимы государственного контроля (надзора), в том числе постоянный рейд.

Под постоянным рейдом понимается такой режим государственного контроля (надзора), который заключается в возможности постоянного нахождения инспекторов в пунктах контроля и (или) перемещения инспекторов по определенной территории (акватории) в целях предупреждения, выявления и пресечения нарушений обязательных требований (часть 1 статьи 97<sup>1</sup> Федерального закона № 248-ФЗ).

В отличие от контрольно-надзорных мероприятий, в частности рейдового осмотра, документарной и выездной проверки, для постоянного рейда характерна длительность и непрерывность проведения на производственных объектах, территориях и акваториях мобильных проверочных действий в отношении неограниченного круга лиц.

Постоянный рейд предусматривается федеральным законом, как правило, в сферах, требующих контрольных действий в отношении значительных территорий и всех находящихся на них лиц, в том числе в сфере контроля за воздушным, водным, автомобильным транспортом и их инфраструктурой, особо охраняемыми природными территориями, туризмом, охотой, рыболовством. Например, постоянный рейд осуществляемый на внутренних водных объектах, в водоохранных зонах, на прибрежных защитных полосах, заключается в возможности перемещения инспекторов по территории постоянного рейда без установленных пунктов контроля (раздел XI Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 25 июня 2021 г. № 996).

При этом постоянный рейд, будучи одним из специальных режимов государственного контроля (надзора), к видам контрольных (надзорных) мероприятий, перечисленных в статье 56 Федерального закона № 248-ФЗ, не отнесен.

С учетом изложенного в случае совершения лицом двух и более административных правонарушений, ответственность за которые

предусмотрена одной и той же статьей (частью статьи) раздела II КоАП РФ либо закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, выявленных при осуществлении специального режима государственного контроля (надзора) – постоянного рейда, при назначении такому лицу административного наказания следует исходить из общих положений части 1 статьи 4.4 КоАП РФ, предусматривающих назначение административного наказания за каждое совершенное административное правонарушение.